Андрей Букреев

Грязная Брага Теней

Андрей Букреев
Грязная брага теней

https://litres.ru/73282813
SelfPub; 2026

Аннотация

Бывший дозорный Горша возвращается с Вечной войны. В таверне на его глазах убивают ветерана. Чтобы заработать, Горша берётся найти убийцу. Улики приводят к княжескому двору. Следователь становится мишенью. Команда изгоев - громила с дубиной, скользкий пройдоха, травница-полукровка и сам Горша - вынуждены участвовать в смертельной гонке. Успеют ли они распутать дело до того, как их самих обвинят и повесят?

Тёмное фэнтези в духе нуарного детектива. Мир Вереи, где магия уступила место жестокости, а интриги решаются ножами в тёмных переулках.

Содержание

Глава 1. У трёх углей. 4
Глава 2. Долги. 19
Глава 3. Две змеи. 33
Глава 4. Дырявая лодка. 51
Глава 5. Воск и глина. 71
Глава 6. Поиски. 90
Глава 7. Хор живых. 108
Глава 8. Туманники. 123
Глава 9. Холм. 139
Глава 10. Особняк. 155
Глава 11. Сделка. 169
Конец ознакомительного фрагмента. 187

Андрей Букреев
Грязная брага теней

Глава 1. У трёх углей.

Города, как и люди, не забывают войну. Они просто учатся шуметь громче.

Верея орала мне в уши. После ватной тишины передовой, где каждый шорох мог быть последним, городская суета била по нервам. Скрежет железных ободов о булыжник, визгливые крики чаек над каналом, лай собак — всё это сливалось в канонаду, от которой хотелось забиться в щель.

В какой-то момент прямо за спиной с грохотом обрушилась стопка пустых железных поддонов, соскользнувших с телеги кузаря. Лязг. Резкий, вспарывающий воздух.

Прежде чем я успел осознать, что я на окраине мирного города, а не в грязи под Ольховкой, ноги сработали сами. Я резко пригнулся, вжимая голову в плечи и ныряя под ближайший козырек лавки. Показалось, что сейчас над головой распорется небо и прямо в меня прилетит тяжелый снаряд баллисты степняков.

Я замер на пару мгновений, вцепившись пальцами в облупившееся дерево прилавка. Мимо прошли двое мещан, брезгливо огибая «пьяного солдата». Возница-кузарь лишь

лениво выругался, поднимая поддоны. Для них это был просто шум. Для меня — вестник смерти, который на этот раз промахнулся.

Вечная война кончилась — для меня. Десять зим рекрутской каторги. Я полз обратно в Верею. Шагал по пыльным булыжникам мостовой, влача лёгкий мешок с пожитками и тяжёлую тишину в голове. Из всех парней, кого я знал с детства, Вечная не оставила в живых никого. В кармане медяков — на неделю хмеля и тревожных снов. Последнее жалованье.

Я чувствовал на себе косые взгляды: мещане в чистых кафтанах брезгливо подбирали полы, завидев мои заношенные сапоги и пустой, выгоревший взгляд. Одна баба, торговавшая кислым сбитнем, завидев меня, инстинктивно прижала к себе сына, закрывая ему глаза ладонью. Ребёнок испуганно замер, выглядывая из-за её юбки, словно я был не человеком, а живым мертвецом, принёсшим на подошвах пепел войны. Я не винил их. В моих глазах они видели ту Верею, о которой хотели забыть — город, который кормит передовую своими сыновьями.

С севера столица встретила меня как старая шлюха: раскинула объятия, от которых воротит. В нос ударила вонь сточных канав. Гарь от кузарских наковален, шум, суета, крики, удары молотов в мастерских. Дым проникал в нос и оседал сажей на языке. Я сплюнул на мостовую.

Дорога через Ржавец петляла, фабрики чадили, словно ра-

ны, не зажившие после бунта. Тут я родился, в этой самой гари, где отец ковал у горна, а мать шила рубахи для артелей. Поэтому мы не сдохли с голоду. Бунт забрал их — толпа швырнула куль с песком в стражу, стража ответила шквалом стрел. Я уцелел, спрятавшись в кадке с мусором, с тех пор ненавижу толпу: она пахнет потом и ненавистью. Ржавец нисколько не изменился: ветхие трубы бьют паром. Кузари молотят по железу, и эхо отдаётся в груди. Бум-бум-бум.

У покосившегося прилавка с требухой разыгрывался привычный городской спектакль. Высокая вирья в облегающем шёлковом платье и с серебряными колокольчиками в волосах, нарочито громко смеясь, томно опёрлась о прилавок. Она смерила своими широко распахнутыми зелёными глазами толстого купца. Поправила сползающий вырез платья.

— Может, сделаешь скидку, силач? — её голос звенел, как стеклянный ветер. — Для такой одинокой девушки?

Растяпа, красный от натуги и хмеля, заурчал что-то в ответ. В это время двое гривцев, юрких, как ящерицы, уже обчищали его телегу, стоящую в двух шагах. Один прикрывал другого, ловко срезая кожаный мешок с инструментами... С поразительной слаженностью они вытащили окорок и моток пеньки, растворившись в переулке быстрее, чем вирья успела послать купцу последний воздушный поцелуй. Я прошёл мимо, усмехнувшись про себя.

Мой путь лежал к набережной Змеевицы. Шагая по мостовой, я наблюдал за тучными бородатыми карликами, сну-

ющими вокруг. Кто-то нёс ящик с инструментами, кто-то чинил петли амбара, кто-то грузил товар в телегу, но все – громко переругивались своими лающими голосами. У одного на шее болтался медальон с треснувшим глазом — артели «Молот и Трещина». Говорят, они уже много лет копают подземный ход под...

Я влетел во что-то твёрдое и низкое. «Куда прёшь, дылда?!» — просипел у меня под локтем тучный кузарь. Чертыхаясь и поправляя пыльную куртку, он засеменил в цех. Я посмотрел ему вслед. Кузари расплодились, как сажа в горне: десять зим назад редкость, нынче улицы ими кишат. И диковина теперь здесь я — человек без молота. Зато всегда с ножом. Малые племена, мать их. Через пятьдесят зим их тут будет большинство.

В лицо пахнул влажный воздух. О, вот и Змеевица. Направляясь вдоль реки к таверне, я шёл мимо торговых рядов. Шум рынка, крики чаек, пикирующих над водой, пёстрые товары, смешение рас и красок. Поющие вирьи в цветастых тряпках и серебряных украшениях. Лавки людей, где торгуют всем: от гвоздей до снов. Прилавки морочи, уставленные свежим мясом — кровь ещё не успела засохнуть. А под ногами снуют гривцы, готовые утащить всё, что плохо лежит. И все они ненавидят друг друга. Но ещё больше ненавидят тех, кто не такой, как они... Я опустил руку в карман с монетами — так не украдут. Люди здесь для этого и нужны — чтобы держать кошель и отвечать за всё, что пойдёт не так.

Продравшись сквозь толпу, где каждый толкался локтями, будто его жизнь зависела от того, кто первый доберётся до гнилых яблок, я наконец увидел вывеску «У трёх углей». Таверна выглядела так, будто её сложили из обломков других зданий — криво, но крепко. Как и всё в этом городе.

Когда я подошёл ближе, мой взгляд споткнулся о неё. У самого входа, прислонившись к облупленной стене, стояла девка. Дешевый алый атлас платья лоснился, переливаясь в свете чадящего факела. Этот цвет был здесь лишним, больным, словно содранная кожа. Девка лениво мазнула по мне взглядом и отвернулась.

«У трёх углей» — таверна ничем не примечательная, если не считать её расположения. На стыке трёх районов — торгового юга, промышленного севера и нищего востока — она бурлит, как кипящий котёл. Здесь пьют кузари после смены, вирьи шепчутся в углу о своих интригах, а морочи дерутся за столы. И все они знают: если тебе нужно что-то спрятать или кого-то найти, начинай с этой дыры. А мои планы на ближайшие недели просты: выспаться, напиться до потери памяти и, если хватит сил, найти работу. Когда протрезвею. Если протрезвею.

Я машинально проверил нож на поясе, толкнул скрипящую дверь и вошел. Огляделся. Две двери, кроме входной. Одна на кухню, вторая на лестницу, к номерам. Окна слишком высоко, чтобы выпрыгнуть. Выглядит как хорошее место для засады.

Внутри кисловатый запах браги смешивался с ароматом подгоревшего мяса. Крики громил морочи за игрой в кости, певучий шепот вирьев. В дальнем углу зала истеричная перепалка. Один из гривцев, худой, как палка, без остановки бормотал: «Всё уже было, всё повторится». Либо сумасшедший, либо пророк. Этот — сумасшедший. Треугольный зал, три очага, на дальней стене висел выцветший гобелен с охотой на вепря. Угли тлели, отбрасывая тени.

Мавра стояла за стойкой — полная, как бочка, сажень в плечах, с румяным лицом и косами, заправленными за грязный фартук. На левой руке не хватало двух пальцев — мизинца и безымянного. Старая история. Она увидела меня и ухмыльнулась, скривив обветренные губы.

— Горша! Голубчик! Ты смотри-ка, живой. Видать, даже смерть побрезговала твоей кислой рожей, — загремела она, хлопнув ладонью по стойке, от чего чарки подпрыгнули. — Война тебя не сломала? Или сломала, а потом криво починила?

Мавра знала, куда бить. Не в лицо — в воспоминания.

— Криво, Мавра. Очень криво.

Поразительная память на лица. Я захаживал сюда больше десяти зим назад. С моими друзьями. Теми, кого пожрала война. Я кивнул, сбросив котомку на пол — она брякнула пустой флягой. Мы знали друг друга с тех пор, когда я был щенком из Ржавца, а она — официанткой. Теперь она правила этой дырой.

— Номер под крышей, Мавра, — сказал я, роясь в кармане. Монеты звякнули на ладони, я быстро пересчитал (ровно на неделю, если экономить.) — Самый дешёвый. С видом на реку, чтоб утопленники шептали колыбельные.

Она фыркнула, наливая мне чарку. Сдула пену, не отрывая от меня взгляд.

— Вид на Змеевицу? Два куна в неделю. И не жалуйся, голубчик, когда крысы ночью придут погреться.

Мавра отпила из моей кружки и поставила её передо мной.

— Война? Ха! Она никуда не делась, голубчик. Просто теперь стреляют в спину, а не в лицо. Садись. Пей за возвращение.

Я взял чарку — дерево липкое и тёплое. И всё же это столичное пойло. Не та дрянь, что пьют в казармах, а настоящая верейская брага — крепкая, как удавка, и сладкая, как обещание, которое не сдержат. Представь: тебя вешают. Петля затягивается, воздуха нет. Ты просыпаешься в тёплой постели — понимаешь, что это был сон. Эйфория? Помножь на десять — получишь эффект верейской браги. Она не пьянит. Она делает тебя другим. Потом возвращает обратно — с процентами. И ты снова пьёшь.

Зал гудел. Громила морочь в углу жевал кусок мяса, рыча на гривца с игральной костью.

— Бросай уже, крыса!

Восток и север раздражали друг друга. Так было всегда.

Крики с улицы — мясные ряды орали о "свежей туше клыкастой". Я подумал, что когда колешь свинью — почти тоже самое, как человека. Только свинья не кричит «мама!».

Я поднял чарку. «За павших», — подумал я. Сделал глоток. Алкоголь обжёг горло, как воспоминание: усталые лица друзей, топоры морочи в авангарде, шквал стрел, накрывавший наши укрытия каждую ночь. Я пил за них. Пил, чтобы забыть. Они мертвы, чтобы я жил и помнил. Насмешка богов.

Мавра налила вторую. Поправила медальон на шее.

— За живых, голубчик, чтоб не завидовали мёртвым.

Я усмехнулся. Есть чему завидовать. Боги вернули меня в эту дыру, чтобы напомнить, почему её покинули. Гвалт, интриги, насилие и безысходность. Опричники Ярополка рыщут по улицам, подобно голодным собакам. Горисвет в "Доме камня" ждёт тех, кого эти собаки к нему притащат. «Невиновных нет, есть те, кого ещё не пытали».

Я сел в тени у стены: здесь дым маскирует лицо, а уши ловят шепот. Разглядывал людей в зале. Слушал треск огня.

У стены напротив сидел ветеран. Рубаха в бурых пятнах от Вечной, медальон на шее — «За отвагу». Медали дают, когда командование сплоховало, а тебе велят тушить пожар собой. Он сидел, прислонившись к стене, глаза закрыты, пальцы дёргались, будто всё ещё держал оружие.

Он открыл глаза, взял кружку, отпил. Наши взгляды встретились. Ветеран со стуком опустил чарку, поднял руку

— показал мне какой-то жест. Я бы с лёгкостью понял, не будь тут темно и не трясись его рука со скрюченными пальцами. Жест повторился дважды, будто он пытался справиться с параличом.

Он смотрел на меня ещё мгновение, словно пытаясь вложить смысл в мой череп силой воли, потом закрыл глаза. Я уже подумывал подсесть, сверить шрамы, но меня опередила девка.

Она скользнула к его столу — тощая, быстрая, волосы сплетены в копну мелких косичек. Полукровка: высокие скулы вирьев, глаза немного раскосые, карие, людские, с янтарным отливом. Села так, чтобы вояка видел её силуэт на фоне света очага. Она шептала что-то под нос — сбивчиво, быстро, как заклинание от неудачи.

Я напряг слух. "Раз — скользну, и враг не видит, два — шагну, беда не выйдет, три — дыхну, и тень со мной..." Движения девчонки были отточены до автоматизма: пальцы острые и цепкие, скользнули по грубой коже ремня. Лезвие, выпорхнувшее из ладони, блеснуло лишь на секунду. Миг — и кошель у неё в руке. Работа мастера.

Вояка не шевельнулся, только голова качнулась назад, стукнувшись о стену с глухим стуком. Девка встрепенулась, её пальцы замерли на пряжке плаща. "Четыре — путь держу прямой..." — её взгляд метнулся на меня.

Она замолкла, увидев, что я за ней наблюдаю. Мы замерли на секунду — немая дуэль в гуле зала. Я понял, что у меня есть выбор: крикнуть «Вор!» и получить благодарность от ветерана и хозяйки таверны. Или промолчать и получить рычаг давления. Я выбрал второе. Она отвела глаза, судорожно впихнула срезанный с ремня кошель за пазуху и бросила взгляд на дверь. Вздохнула. Мимо меня к двери не пройти.

В этот миг голова ветерана откинулась. Взгляд остекленел, уставился в потолок. Ни одного вздоха. Смерть. Я видел такой взгляд сотни раз. Что-то сжалось в груди — знакомое, тяжёлое. Ещё один не дожил до мира. В голове щёлкнуло: шантаж — дело мелкое. Найду убийцу на глазах у всех —

это репутация. А ещё — шанс убедиться, что в этот раз не ошибусь. Девка подсела, срезала кошель, он умер. Но КАК она убила? И убила ли ОНА? Кольнула боль — воспоминание о поспешном выводе на войне. На этот раз буду действовать без суеты.

Я медленно поднялся, закрывая девке путь к выходу.

— Эй, — сказал я тихо. — Похоже, ты влипла.

Я кивнул на стул напротив. Она пошла ко мне, опустив плечи. Её пальцы дрожали — не от страха, от ярости. Я приготовился. Воры не сдаются просто так. Они либо бегут, либо кусаются. Эта выглядела такой, что кусается. Она села напротив, опустив глаза и шмыгнула носом.

— Слушай, птаха. Сиди смирно. Ты по уши в дерьме. Я твой единственный шанс выйти отсюда на своих двоих.

— Да пошёл ты, — она сверкнула глазами. — Думаешь, из-за пары медяков готова с тобой дела иметь? — Достала кошель из-за пазухи и швырнула на стол. — Медяшки! Даже на выпивку не хватит!

Пока она шипела, ветеран посинел. Глаза распахнулись — будто увидел богов и разочаровался. Изо рта пошла пена. Тело обмякло. Он упал. Зал замер, как перед битвой, потом взорвался. Крики, стулья повалились, мороч рыкнул, вскочив. Вирья отпрянула, платье зашуршало змеиной чешуёй. Мавра вылетела из-за стойки, кулаки сжались.

— Голубчики, зовите стражу! – Ей было о чём волноваться: кто захочет пить в таверне, где убивают клиентов? В Ве-

рее репутация — это всё.

Мой взгляд вернулся к девке. Она застыла, потёрла ладонью о бедро — стирала невидимую грязь. Её эмоции не казались игрой. Но не пойлом же он подавился. Чему она удивляется? Что яд подействовал быстро? Я видел — в чарку она ему ничего не сыпала. Или ужалила заранее и ждала, пока дурман подействует? Тогда откуда ужас в глазах?

Как-то мне пришлось принять непростое решение, выбирать из двух зол. Тогда я поторопился и погибли невинные. Может быть, поэтому сейчас я не хочу спешить. Надо разобраться, кто убил ветерана. Обстоятельно. А ситуация эта мне точно не во вред. Деньги убитого теперь все мои. Надеюсь, ещё на несколько дней платы за эту дыру там наберётся. Я улыбнулся и крепко взял за запястье девку.

— Мавра! Я был следопытом в дозоре. Найду убийцу.

— Голубчик, ты меня знаешь. В долгу не останусь! – Мавра поправила фартук и окинула взглядом толпу зевак.

— Хозяйка, если этот упырь не удавит меня к утру, — подала голос девка, — я назову того, кто выносит у тебя со двора окорока ночью. Не ему назову, тебе!

Мавра оценивала, кто сбежал, не заплатив. Слова девчонки она проигнорировала — в Верее все врут. Я встал, поднял мешок и выдернул девку из-за стола. Её запястье было тонким, как у птицы. Но когти, судя по всему, острые.

— Пойдём, потолкуем наедине. Я хочу разобраться без шума. — Толкнул воровку в спину.

Нас проводили сальными взглядами пройдохи у стены. В спину прилетели смешки. Я держал её за локоть, но у поворота на втором этаже ослабил хватку. Она крутанулась, локтём ударила в бок.

Её тело выгнулось, как пружина. Из рукава в ладонь скользнуло лезвие — метнулось к моему плечу. Быстрый удар, точный. Я отбил её запястье, выворачивая руку. Она не отступила, навалилась всем весом, пытаясь дотянуться до горла свободной рукой. Шипела, как змея. Я был тяжелее и опытнее. Развернул её, впечатал спиной в стену — из неё вышибло дух. Нож звякнул на ступени.

— Я не хотел тебя калечить, но почти передумал, — про-

шипел я ей в самое ухо, чувствуя, как она мелко дрожит. Она оскалилась, в её глазах страх мешался с вызовом.

— Пошёл ты... — выдохнула она, но больше вырываться не пыталась.

Я поднял нож с пола.

— Хорошая сталь, — одобрительно сказал я, вкладывая его за пояс. — Жаль, с хозяйкой не повезло.

Я снова схватил её за запястье, на этот раз так сильно, что на бледной коже наверняка останутся синяки. Потащил дальше к своей конуре.

Мы поднялись на третий этаж таверны, я отпер ржавым ключом дверь и вошел в свою комнату.

Первый день после возвращения. Комната, дело и девка с ножом. Неплохой старт. Война научила меня одному: удача – это не более чем возможность, которую ты успел подобрать с земли, пока другие пялились в небо.

У трёх углей

Глава 2. Долги.

Опыт — что факел за спиной. Освещает только пройденный путь.

Комната оказалась немногим хуже моих ожиданий: промозглая сырость, пропахшая рекой и старым деревом. Я провел ладонью по столу. Пыль, жир и въевшаяся за десятилетия копоть. Узор, вырезанный чьим-то ножом, изображал похабное признание в любви, перечеркнутое глубоким шрамом от топора. На краю стояла пустая бутыль от вина с этикеткой "Княжеский запас" — иронично для такого убогого жилища. Под кроватью что-то заскреблось — местная крыса проверяла, не принес ли новый жилец чего съестного. На кровати мятая лежанка, набитая соломой. Окно под потолком — узкое, как бойница, с видом на крыши и далёкий дым Ржавца.

Вот я и дома. Швырнул дорожный мешок в угол. Звякнула пряжка. Снял тяжёлый плащ и повесил на гвоздь у двери.

— Садись, – кивнул я на обшарпанный табурет у стола.

Она не двигалась, прижавшись спиной к двери. Её пальцы теребили край кожаного корсета, а взгляд метался по комнате, выискивая возможность для побега. Я часто видел такой взгляд у рекрутов перед первой битвой — паника, прикрытая бравадой. Я резко схватил её за локоть, подтаскивая к табурету. Надо было придать немного динамики нашему диалогу. Пальцы сжались, как капкан.

— Я сказал, садись, – толкнул на табурет, не разжимая пальцы.

Она плюхнулась на табурет, держась на краешке. Всё её тело дрожало, от сдерживаемого бешенства. Было видно, как

пульсирует вена на шее. Я сел на кровать напротив. Пружины жалобно взвыли.

— Как звать? – в допросе нет ничего сложного, надо всего лишь не упустить ни одной детали. Я не сводил взгляда. Она молчала пару мгновений.

— Айка, — выдохнула она, срываясь на шёпот, не глядя на меня.

Избегающие зрительного контакта люди или сломлены или умны. И сломленной она не выглядела. Я наклонился вперёд. Дал ей несколько секунд тишины — пусть сама заполнит. Тишина в допросе иногда работает не хуже кулака: человек начинает слышать собственные мысли и пытаться навести в них порядок.

— Вот и славно, Айка. А теперь давай без глупостей. Ты убила солдата?

— Нет! — её голос сорвался на визг. Она сглотнула, пытаясь взять себя в руки. — Я... я только хотела стянуть кошель. А он... он сам умер!

“Только”. Слово, которое прячут, когда хотят, чтобы поверили.

— Сам? – я усмехнулся, наклоняясь ближе. Её дыхание участилось — страх или расчёт? — От избытка здоровья? В Верее такое редко случается.

Она дёрнулась на этой фразе. Не телом — мышцами лица. Словно её внутренне укололи.

— Что подсыпала в чарку? — спросил я так же спокойно,

как спрашивают рецепт похлёбки.

— Ничего! — голос снова сорвался. — Я даже… я… клянусь Зорей… — пальцы метнулись к амулету на шее — серебряному листу клёна.

Её карие с янтарным отливом глаза широко распахнулись. В них читался неподдельный ужас. Фальши я не чуял. Но знал, что эти полукровки учатся лгать раньше, чем ходить. Хорошие актёры могут и не такое, а вирьи почти все — хорошие актёры.

Три зимы назад под Дубравкой мне довелось допрашивать вирью-лазутчика. Та тоже клялась Зорей, что просто заблудилась в лесу. Утром на её лежанке мы нашли только порван-

ную верёвку. А ещё чуть позже один из нас узнал, что будет, если выпить воду, в которой размешали яд. С тех пор я знаю: вирьи врут даже когда молчат. Я медленно встал, давая ей прочувствовать тяжесть взгляда.

— Ты не прикасалась к выпивке, — повторил я её слова. — Хорошо. Тогда скажи: кто прикасался?

Она замерла. Её глаза быстро прошлись по комнате: стол, дверь, окно, кровать.

— Я не знаю, — сказала она и добавила с неожиданной злостью: — Я не нянька ему, солдат.

Вот она. Колкость. Значит, зверушка возвращает себе клыки, потому что поняла: писк не работает. Я кивнул, будто согласился.

— Верно. Ты не нянька. Ты — та, кто сидела рядом с будущим трупом. А в Верее очень любят простые истории. Девка рядом — девка виновата.

Она поморщилась. Кажется, ей не нравилось, что я называю её девкой.

— Ты думаешь, я боюсь толпы? — она вдруг подняла голову, и в янтаре её глаз вспыхнуло что-то дерзкое. — Я живу среди неё.

— Толпа ест тех, кто отличается — сказал я, многозначительно подняв бровь.

Она на секунду застыла. Потом улыбнулась — уже другой улыбкой: мягкой, вязкой, вирьей. Маска сменилась так легко, что стало неприятно. Как будто она просто повернула

лицо другой стороной.

— А ты? — прошептала она, чуть наклоняясь вперёд. — Ты ведь тоже отличаешься. С запахом войны. С руками, которые знают, где у человека слабое место.

Она сказала это не как угрозу, а как комплимент. Комплименты, сказанные правильно, — это попытка взять тебя за горло нежностью.

Я не ответил и сделал полшага в сторону, убирая себя с её "линии" — пусть знает, что я считываю траектории.

— Ладно, допустим. Но кошель ты срезала, я видел. И не просто срезала: ты знала, что он там был. Откуда?

Она потупилась, замявшись. Почти наверняка притворно. Выпрямила плечи. Дыхание участилось. Взгляд блуждал по мне, выискивая слабые места.

— Я видела, как он поправлял ремень. Дёргал, будто проверял. Я подумала: у старого пса там кость.

— ...понятно, что ты подумала, — сказал я и резко сменил темп. — Выворачивай карманы.

Она вздрогнула и, с демонстративной неохотой, вывернула карманы юбки. На стол полетели медяки, худой кошель ветерана, обрывок верёвки, засаленная игральная кость. Я не трогал ничего сразу — снова пауза. Пусть сама решит, что я "вижу". Медленно протянул руку и пододвинул к себе кожаный мешочек. Не сводя с неё глаз, я развязал шнурок и вытряхнул содержимое на стол. Медяки звякнули тускло, высыпаясь на стол, будто и они устали. Горсть монет. Жал-

кая горсть.

— И где остальное?! — Я шагнул к ней, встал так близко, что видел, как вздрагивают её ноздри. — Кошелёк был тугим. И потяжелее на вид.

— Да там одни медяки! — она сказала слишком громко, будто кричала на собственный страх. — Клянусь!

— Я спрашиваю, где остальное? — повторил я.

Она выдохнула, и в этом выдохе было: "ладно, попробуем иначе". Айка поднялась. Медленно. Как будто делала это не она, а сама комната двигалась к ней навстречу. Она оказалась на шаг ближе к двери — и ровно на таком расстоянии, чтобы мне пришлось выбирать: либо смотреть ей в глаза, либо контролировать выход.

Вдруг её выражение лица сменилось. Она подняла на меня глаза. Напряжение ушло, уступив место женскому обаянию, что сводит с ума тех, чей ум не крепок. Она встала, оказавшись в шаге от меня. И на шаг ближе к двери. Завела руки за спину. Демонстрирует уязвимость? Ха! Трюк, чтоб я клюнул наживку. Поза позволила мне разглядеть гибкий стан. Воровка провела языком по губам, они заблестели.

— Слушай, солдат... Зачем нам ссориться? Ты ведь не опричник. Я вижу, ты устал. Одинок. Мы можем... Я могу быть очень благодарной. — Её голос стал бархатным, с переливами.

Она говорила ласково, но слова подбирала как ключи: "не опричник", "зачем ссориться", "мы можем". Это было почти

смешно — если бы не работало на половине мужчин.

Она сделала шаг вперёд, почти касаясь меня. Запах дешёвых духов и чего-то дикого, лесного, ударил в нос. И я почувствовал, как мышцы потянуло. Тело на секунду вспомнило, что оно живое. Хмыкнул. Признаю, играть она умеет мастерски. Но за этой игрой слишком очевидный расчёт.

— Мы можем договориться, — прошептала она. — Я могу… быть очень благодарной.

Я выдержал паузу — такую, чтобы ей показалось, что я сомневаюсь.

— Благодарность… — повторил я, будто пробую на вкус слово. — Это как деньги, только хуже.

Её улыбка дрогнула.

— Спасибо за предложение, — я отступил, медленно оглядев её с ног до головы. — Но я не люблю, когда меня пытаются купить за обещания. Особенно когда мне врут в глаза. Допускаю, что ты не убийца. Но ты что-то утаиваешь. И скоро я пойму — что. Можешь не сомневаться.

Она снова сменила тактику — в третий раз за минуту: притворная откровенность. Плечи опустились, голос стал тише. Чуть склонила голову, позволяя пряди волос упасть на лицо, и посмотрела на меня снизу вверх — старый как мир трюк, призыв к защите.

— Одно маленькое обещание, — прошептала Айка, глядя в пол. — Вы не отдадите меня в Дом Камня. Тогда я скажу, кто пил с солдатом.

Я промолчал. Молчание — тоже обещание, если его вовремя проглотить. Её улыбка исчезла, сменившись гримасой презрения. В глазах мелькнула паника. Настоящая. Она судорожно сглотнула, её взгляд на долю секунды метнулся к щели между половицами, потом к окну под потолком. Лгала. Но о чём?

Внезапно снизу донёсся грохот, крики и тяжёлые, мерные шаги. Несколько пар сапог. Опричники. Потом — новый гвалт, и чей-то хриплый, яростный рёв, перекрывающий все остальные звуки.

— ГДЕ ОН?! ГДЕ УБИЙЦА ЧЕРВОНА?!

Чужое имя. Чужое горе. Вот, значит, как звали покойника. Слухи в Верее распространяются как дым и лезут везде. Теперь тут будет настоящий бедлам. Я рассчитывал обыскать девку, забрать себе всё ценное и спуститься осмотреть труп. Судя по гулу снизу, работать придётся в эпицентре дерьма и суматохи.

— Ни звука, — прошипел я, глядя на Айку. — Ни шага. Мы закончим с тобой позже.

Я вышел, запер дверь и спустился вниз. Зал замер. И было от чего: никто не хочет попасть под слепую вспышку ярости морочи. Вернее будет закончить жизнь только прыгнув в берлогу к медведю без оружия. В центре, раскинув мощные плечи, стоял здоровяк-морочь, с лицом, искажённым яростью. Его кулаки были сжаты так, что костяшки побелели.

— Он был последним! — Рычал он, обращаясь ко всему

залу. — Последним, с кем я из этой адской мясорубки вылез! И его травит тут какая-то шваль!

Рядом, у стойки, стояли трое опричников в чёрных плащах. Старший, с оспинами на лице, смотрел на меня с холодным любопытством. Желудок свернулся в комок.

— Всё спокойно, голубчики, — прокричала Мавра, хватая здоровяка за рукав. — Вон Горша, он взялся найти убийцу! И найдёт!

— Горша? — Здоровяк повернулся ко мне, его взгляд, мутный от боли и гнева, впился. — Ты нашёл убивца Червона?

— Найду, — коротко ответил я.

— Будешь искать — я с тобой. Это мой долг чести. Я — Братила.

Вот же. Помощничек. Последнее, что мне сейчас нужно. Насмотрелся я на морочь на войне. Их тактика проста: если таран не сработал, надо просто разбежаться сильнее. Пушечное мясо, мать его.

— Девка, — от стены сделал шаг к свету очага опричник. — Очевидцы говорят, рядом с убитым крутилась. Где она?

— Истинного говорю, была подле убиенного молодуха — повторил показания один из помощников Мавры.

Все посмотрели на меня. Ложь пришла сама собой.

— Сбежала. В суматохе, наверное.

— Мы обыщем комнаты, — опричник двинулся к лестнице, его напарники — за ним.

Мавра протянула старшему связку ключей. Сердце упало. Они пойдут наверх. Откроют дверь. А там... А там Айка. И я буду выглядеть чертовски похожим на соучастника. Придётся либо драться с опричниками и этой горой мышц, либо сдать её первым и потерять единственную зацепку. Я мысленно прикинул шансы. Плохи. Пошёл за ними, готовясь в любой момент рвануть вперёд. Положил ладонь на рукоять ножа.

Опричники двигались так, что сразу было видно: мастера. Смотрели не на людей — на углы. Не на лица — на руки. Шли наверх не цепочкой "за старшим", а так, как заходят в опасное место: один впереди с ключами, второй — на шаг сзади, третий — остался в проходе, чтобы контролировать лестницу и видеть весь коридор.

Первый с общей связкой ключей, шёл по коридору, поочередно проверяя комнаты. Настала очередь моей. Остановился на полшага раньше двери, будто прислушивался к самой тишине. Потом отпер. Дверь толкнул не ногой и не плечом — ладонью, резко, но контролируя угол.

— Внутрь, — коротко сказал он.

Старший, со следами оспы, сразу заметил мой мешок в углу и подошёл к нему без эмоций. Развязал ремни аккуратно, так, будто это не чужая вещь, а возможная ловушка. Вынул по одному: тряпки, мелочь, железо. Разложил на столе, чтобы видеть целиком.

Я смотрел на это, и внутри шевельнулось что-то темное,

колючее. Каждая из этих вещей стоила мне куска души, а этот холеный пес лапал их. Кожаный свёрток со скальпелем и зажимами, походный нож, оселок, медная фляга, огниво... Пальцами быстро прошёлся по швам мешка — искал тонкий предмет и пустоты. Поднял мой плащ с гвоздя, встряхнул, проверил ворот.

Его напарник в это время поднял матрас, прощупал солому, провёл ладонью по доскам под кроватью, потом — по ножкам, будто ожидал тайник в опоре. Простучал стену и даже провёл рукой по подоконнику, оценивая свежий холод: окно открывали недавно или давно. Обе ищейки работали молча и синхронно.

— Чисто, — бросил один из них, вытирая руки о штанины, будто мои вещи могли его испачкать.

Комната оказалась пуста. Они должны были заметить: два табурета у стола, один тёплый. Запах дешёвых духов ещё висел в воздухе. Но промолчали. Значит, либо сочли, что я просто приводил сюда шлюху, либо обменяются комментариями между собой, когда останутся наедине. Свежий сквозняк гулял из приоткрытого маленького оконца под самым потолком. Оно было крошечным, казалось, туда и подросток не пролезет. Но на подоконнике остался след от грязной подошвы.

Я подошёл и выглянул. Внизу — навозная куча. И никого. Ни трупа, ни следов падения. Она не прыгнула. Она, чёрт возьми, взобралась. По грубой каменной кладке, по водосто-

ку — на крышу. И растворилась в тенях Вереи.

Я выдохнул, не осознавая, как долго я задерживал дыхание. Долго молчал. Опричник сплюнул на пол. Моя комната была последней на этаже.

— Обвела вокруг пальца, стерва! Внизу не выходила, в комнатах нет!

Братила, стоявший в дверях, мрачно уставился на меня.

— Значит, она и есть убийца, кабы нет! Найдём её — кости переломаю, сечёшь? — он сжал кулаки.

Взгляд Братилы был не только яростным — он был пустым. Такая пустота бывает у тех, кто уже потерял слишком много и держится только на долге.

Я молча смотрел в чёрный квадрат окна. Ловкая. Очень ловкая. И хитрая, как уличная кошка. Она не просто сбежала. Она меня обманула, оставив с носом и горстью медяков. И где-то при ней было то, что она так старательно скрывала. В мозгу всплыл образ: как она встала и завела руки за спину. Я думал она пытается расположить. Нет, она что-то прятала. Что-то плоское и небольшое, что легко зажать в кулаке. Я обернулся к опричникам и Братиле.

— Ничего, — сказал я тихо, пиная табурет под стол. — Никуда она не денется.

Братила хмыкнул и вышел вон, вслед за опричниками. Готов спорить: он не успокоится, пока его кто-то не отравит. Как Червона.

Первый день. И уже три долга: перед Маврой, перед этим

громилой Братилой. И самый главный — перед этой ловкой воришкой, которая только что надо мной посмеялась. Я стряхнул ошметки глины с подоконника. Война и правда никогда не кончается. Она просто меняет поле боя.

Я закрыл дверь, прислонился к косяку и выдохнул. В тишине комнаты слышалось только бульканье воды в трубах да крики чаек над Змеевицей. Быстро проверил карманы плаща, висевшего на гвозде у двери, сумку. Всё на месте. Я улыбнулся в темноту. Повалился на кровать, не снимая сапог. Глаза сами закрывались, но в голове вертелись образы: скрюченные в непонятном жесте пальцы Червона, янтарные глаза Айки, плащи опричников, Братила, та шлюха в красном платье. Провалился в сон. Последнее, что я помнил, был звук шагов за дверью. Тихих, осторожных. Или это уже был сон?..

Глава 3. Две змеи.

В Верее у тебя только три пути: заплатить, молчать или заколоть. И только идиот выбирает просить.

Утро ворвалось в комнату с внезапностью клыкастой и бесцеремонно прервало мой сон. Это не время суток, а кара. Я разомкнул веки и тут же пожалел, что проснулся: иглы солнечного света вонзились в мозг. Ненавижу утро. Этот назойливый свет, который изобличает вчерашние промахи. В казарме было проще: полковой горнист выл о приближении смерти и ты знал, что делать. А тут надо думать. Думать с похмелья, бр-р-р.

Я сел, тяжело вздохнул и потянулся. Суставы хрустнули, как сухая ветка под сапогом. Смахнул со стола на ладонь монеты, которые Айка забыла вчера. Медяшки на ладони казались холодными, как её прощальный взгляд. Она не просто ушла, она оставила мне плату за постой, как будто я был её последним клиентом в борделе. Пересчитал: несколько векшей и пара тусклых резан. Вздохнул. Медяшки, ничтожная горсть для голодного дня. Это не деньги. Это намёк на то, что придётся работать. Ссыпал в свой худой кошель. Дело. Надо раскопать это дело. Оно и накормит, и напоит, и, чёрт побери, хоть чем-то займёт голову, чтобы не возвращалась в Ольховку.

Мысли скакали как блохи: труп ветерана, беглая вориш-

ка, паника Мавры, обыск. Я знал, что опричники не любят, когда кто-то суёт нос в их дела. Для них каждый труп повод показать силу. Для Горисвета напомнить, кто владеет страхом. А для меня способ убежать от воспоминаний о Вечной. Если я найду нитку, которая развяжет этот узел, то можно будет вырвать себе крупицу репутации и пару серебряников за расследование.

Снизу хлопнула дверь, и по лестнице прокатился глухой удар будто кто-то уронил мешок с костями. Я замер, прислушался. Потом второй удар, уже тише. Злое бормотание Мавры. Половицы скрипнули так, словно дом пытался о чём-то предупредить. Я нащупал сапог ногой, не глядя, и сел ровнее.

«Надо спуститься и осмотреть труп, пока Мавра не успела всё отмыть. А заодно опохмелиться. Брага развеет туман в голове», я встал, накинул кожаный плащ, сунул за голенищесапога второй нож.

Вышел из комнаты, спустился по скрипучей лестнице на первый этаж. Таверна ещё не открылась для посетителей, но по залу, пропахшему вчерашним хаосом и табаком, уже двигались тени.

У стойки, напротив потухшего очага, сидел Братила. Он не спал в эту ночь это было написано на его лице, налитом свинцовой усталостью, на безумных глазах, в которых всё ещё плавала ярость. В его руке, больше похожей на лапу медведя, был огромный, недоеденный кусок баранины. Я слы-

шал, что у морочи нет привычки спать, если долг чести не оплачен.

— Ты хотя бы прилёг? спросил я, подходя к стойке.

Братила отрицательно качнул головой. Его плечи казались ещё шире в утреннем полумраке.

— Не спалось. Я следил. Чтоб никто тут не топтал. Червон... он заслуживает, чтобы его похоронили по-человечески. И чтобы убийца ответила. Кости ей переломаю, сечёшь? Справедливость, она как кувалда. Знай-бей, пока не треснет!

Для него всё очень просто: была рядом — убийца. И точка.

— Ты думаешь, убийца та девка?

— А кто ж ещё? он сжал кулаки, костяшки побелели. Шваль подлая, воровка! Сама прокололась! В Дом камня и дело с концом!

Я посмотрел на Мавру, стоящую у окна. Она всегда излучала терпение, как каменная печь. Терпение, которое могло быть только у хозяйки грязного кабака. Воровка да. Убийца не факт, я поприветствовал Мавру кивком. Чарку браги. Надо смочить горло.

Подошёл к застывшему мёртвому солдату. Поза расслабленная, на полу куча испражнений. Смерть самый большой разоблачитель. Она срывает с человека все маски. Вчера герой с медалью «За отвагу», сегодня остывающая лужа на полу. Завтра никто не вспомнит. Я наклонился и вдохнул воздух, уловил оттенок запаха горького миндаля. Посмотрел на

посиневшие ногти.

— Его отравили, это не сердечный приступ.

Мавра всё это время стояла у окна и смотрела на улицу. Моя проницательность впечатления на неё не произвела. Увидев чёрные плащи, покачала головой, нервно оглядываясь на вход.

— Поздно, голубчики, прошептала она.

В этот момент дверь с грохотом распахнулась, впустив в полумрак таверны сноп слепящего утреннего света и струю холодного воздуха. Внутрь, словно стая хищных собак, ввалились опричники в чёрных плащах. Впереди сам Ярополк Тёмный. Его тело, чуть меньше сажени, заслонило дверной проем. Шрам, пересекающий обе губы, делал улыбку зловещей.

— Запечатать! его голос ударил в тишину, как таран. Никому не лезть! Дело закрыто.

Они действовали быстро и грубо. Двое огородили верёвками угол с трупом, остальные принялись сметать со стола всё подряд: объедки, крошки, окурки самосада. Любые возможные улики уничтожались на глазах, сгребаемые в мешок. Я шагнул вперёд.

— Я хочу осмотреть...

— Хватит! — Ярополк резко повернулся, и его серые глаза, как вода Змеевицы, впились в меня. — Убийца известна. Вирья-полукровка, воровка, которая сбежала. Это факт. Он улыбнулся. Дело закрыто, и точка. Мы ищем её, чтобы отчи-

таться перед князем. Никаких других версий. И ты, следопыт, лучше не суй свой нос туда, куда не надо. Если найдёшь девку вяжи и тащи в Дом камня. Горисвет ждёт.

Его плащ взметнулся, захлестнув нас порывом затхлого воздуха. Дверь захлопнулась с таким грохотом, что дрогнули чарки на стойке. В таверне остались два опричника, перекладывающих труп на носилки. Подняв тело, они унесли его, вместе с мешком, в который смахивали всё со стола. Братила стоял у стены, сжав кулаки.

— Кабы нет! — прорычал морочь, раздувая ноздри. — Червон убит. Я чую ложь. Почему они спешат? Кумекай, Горша! Слабый скулит. Сильный действует. Сечёшь?!

Мавра поставила передо мной чарку браги. Склонилась над столом, накрыла моё предплечье полной, горячей рукой.

— Пей, голубчик, — шепнула она, пригнувшись. — И слушай. Горисвет ждёт девку. Они боятся, что эта воровка заговорит о том, что у Червона нашла, и тогда в Доме Камня окажется больше гостей. Опричники по всему городу ищут её, чтобы притащить в пыточную. Горисвет выбьет из неё признание, им нужна показательная казнь.

— Голубчик, — она наклонилась ещё ниже, и её губы едва шевельнулись у моего уха. — Червон мне доверял... Он напился позавчера и обмолвился, что у него очень ценная находка с собой...

Я посмотрел на Братилу, который ходил из угла в угол. Теперь я был уверен. Айка не убийца, она ключ. Допил брагу.

Горькая жидкость обожгла горло, похмелье отступило. Да, очень уж они спешили.

— Ладно, — я бросил на стол несколько векшей. — Мы найдём её. И во всём разберёмся.

Мы вышли на улицу, я зажмурился. Город встретил нас шквалом криков, запахов и красок. Солнце уже начало припекать, растапливая ночную грязь мостовой. Верея это вечный похмельный стон. Если тебя здесь не стошнит, значит ты уже мёртв. Кругом все куда-то спешили: базарная лихорадка. Каждый здесь играл роль, которую ему навязали другие безумцы. Я ухмыльнулся: за мной молча следует Братила. Навязался в напарники. Что ж, если у меня будет стычка с опричниками, то кулаки бугая не помешают.

У соседнего дома баба торопливо драила крыльцо слишком усердно, будто боялась, что пятна запомнят её лицо. Завидев нас, она отвернулась и стала тереть ещё яростнее. По улице прошёл патруль, разговоры стихли, как если бы кто-то задул свечи.

Пора собирать информацию. Первой точкой нашего маршрута стал «Скрипучий Якорь». Грязный, пропахший плесенью кабак, сколоченный из старых корабельных досок. К потолку над столами были прибиты рваные паруса. На стенах висели ржавые гарпуны. Пол из утоптанной земли мокрый от пролитой браги. Запах как в пасти у дохлой рыбы. Убежище для тех, кого Вечная прожевала и выплюнула. Внутри хмурые, обветренные лица бывших солдат и матро-

сов.

— Давно тут был Червон? — спросил я, небрежно бросая на стойку ногату в обмен на две порции сивухи, обращаясь к моряку. — Чем занимался?

— Рехнулся Червон твой, — хмыкнул беззубый моряк. — Трепался про «княжеские тайны». Ему нужны были деньги. Много. Хотел свалить из Вереи. Дурью маялся.

— Пить за павших признать, что ты слаб, — Братила одним махом опрокинул в себя огромную чарку сивухи, — а я пью, чтоб стать сильнее ихней смерти. Он ударил кулаком по стойке.

Я допил сивуху и поставил чарку. В углу кабака сидел человек в потрёпанном плаще, лицо скрывала тень от капюшона. Увидел кисти его рук шрамы от ожогов на пальцах. Такие получают те, кто работал у баллист. Он поднял глаза. Наши взгляды встретились на секунду. Он замер, потом медленно потянулся к поясу.

— Братила, — я не отрывал взгляда от незнакомца. — Готовься.

Незнакомец просто бросил на стол монету, встал и вышел. Слишком спокойно для случайности и поспешно для выпивохи.

— Кто это? — Морочь напрягся.

— Не знаю. Но он меня узнал.

Затем артель кузарей. Кузница Железоба была в Ржавце, где железо гнило так же быстро, как дерево. Мы зашли в куз-

ницу, где покойный, бывало, перебивался. Здесь было жарко, как у жерла вулкана, воздух вибрировал от ударов молота. Клим Железоб, глава цеха, пожал плечами и махал молотом, не прекращая работать ради разговора с нами.

— Иногда работал у нас ваш Червон. Кое-как работал, как все люди. — Он плюнул в огонь. — По вечерам пил. — Кузнец фыркнул. — Долги, я слыхал, были, да не моё это дело.

— Люди клей. — Глубокомысленно сказал я.

— Клей? — Братила наморщил лоб.

— Клей? — Повторил за бугаём кузарь и хмыкнул, вытирая ладони о фартук. — Лень у вас клей. Мы работаем, вы липнете. Ничего весомого я от него так и не узнал.

Мы таскались по Верее уже весь день. С нулевым результатом. Торговые ряды, где гривцы не столько торгуют, сколько обманывают простаков. Злачные местечки Сумяти, где от приторного запаха вирьевых духов кружится голова. Ничего.

На перекрёстке торговец поспешно перевернул вывеску со «Скупка» на «Чиним утварь». Краска ещё не высохла. Он поймал мой взгляд и виновато улыбнулся, как лжец, пойманный на мелочи.

Следующий на очереди рынок «Тысяча Лжи», незаживающая язва на теле города. Место, где за пару медяков тебе продадут проклятье. Лавки с покосившимися вывесками. Гривцы, обвешанные дешёвыми безделушками, орали: «Лекарство от сглаза! Только сегодня три ногаты за флакон счастья!». Запах сладковатой тухлятины. Бумажные листовки

с объявлениями, прибитые к столбам. Вирьи, обвёрнутые в шёлк, шептали покупателям: «Это вода из священного источника..». Разноголосый обман, который в Верее называется «торговлей».

У рыбного ряда баба сплюнула под ноги вирье.

— Пой песенки, зверушка, сказала сладко. Пока зубов не выбили.

— Мои зубы остры, бабушка. — Вирья ответила улыбкой и пошла дальше.

Паренёк поднял с дороги мелкий камешек. Подбросил и поймал будто игра. Потом пустил его в спину вирье. Она не обернулась, ускорила шаг. И тут Братила, молчавший весь день, решил выдать тираду.

— Глина!

— Что? — я остановился.

— Видал евоную подошву? — Прорычал морочь, когда мы пересекали пыльный рынок. — Я смотрел. Глина. Не бурая, как тут. Жёлтая. Из-за реки. Вонючая болотная.

— И?

— Глина! — Братила указал толстым пальцем под ноги. — Глину знаю! Она была как в Заречье! Там болота, сечёшь? Жёлтая и вонючая! Не как здешняя! Он оттудова пришёл, кабы нет! Где дезертиры нычутся!

Я замер. Мелочь, но точная. Обувь. Я, следопыт, пропустил очевидную деталь, а этот бугай нет.

— Верно. Глубокое Заречье. Ты молодец, Братила.

— Ты слишком много думаешь, — проворчал Братила. — Мысли цепь. Свободный человек смотрит под ноги и бьёт кулаком. Хочу справедливости. Надо найти девку да и замочить.

Кажется, он потратил недельный запас слов. Вскоре я понял: это не так. Братила, страшно довольный своей наблюдательностью, продолжил меня удивлять и забубнил стих, качая головой:

«Вода бежит, яд несёт.

Пока жив, Братила бьёт.

Червон умер, я живой.

К Духам Предков, за тобой.»

Два мальчишки играли в палачей: один изображал опричника, второй связанную вирью. Они смеялись, пока третий не шикнул и не показал на чёрный плащ вдалеке. Игра тут же кончилась. Верёвку бросили в грязь.

Поиски не принесли пользы, но дали нам направление. Мы подошли к набережной Змеевицы. Повсюду развешаны листовки с портретом Айки. Нарисовано наспех, но узнавае-

мо: глаза, скулы, косички, медальон. Кольцо вокруг неё сжималось на глазах. Патрули опричников прочёсывали улицы. У торговых рядов бабы, похабно хихикая, обсуждали, как будут пытать «эту вирьевскую мразь». Её независимость и отчуждённость теперь оборачивались против все смаковали, как Горисвет сломает высокомерную полукровку.

Я стоял у моста, куря самосад, и смотрел на мутные воды Змеевицы. И вдруг из-за груды пустых бочек, из самой тени, скользнул силуэт. Я молниеносно пригнулся к перилам моста, уклоняясь от возможного удара, и начал вытаскивать нож из сапога. Оказавшись на корточках, я увидел лицо, прикрываемое глухим капюшоном. И выпрямился, возвращая нож в ножны. Айка. Она была не просто бледной прозрачной.

— Защити! — Прошептала она, цепляясь за рукав моего плаща. Её рука дрожала. — Люди Ярополка везде! Они хотят кинуть меня в Дом Камня!

Братила рыкнул и, протянув руку, схватил её за воротник.

— Сама пришла! — Верзила оскалился.

Айка не дёрнулась. Сунула руку в карман. Опустила взгляд на запястье Братилы, туда, где бьётся жила. Я видел, как она медленно начала вытаскивать клинок.

— Когда мне было семь, — сказала она ровно. — Стражник стащил, вот так же, за шиворот, моего дружка под мост. И учил его «любить людей».

— Стоять! — Мой голос прозвучал, как удар хлыста. Я

убрал руку морочи. — Тебе конец. Ты нужна Ярополку как мясо для Горисвета. Почему не сбежала?

— У меня нет денег... — Её голос сорвался, она заплакала, а рука ещё крепче вцепилась в мой плащ. — Я стянула вчера перстень. Оказалось, он княжеский! С двумя змеями! Вышеславских! Я не убивала! Но... Ищут сейчас именно меня...

Я прищурился. Она была на грани. Смотрела на меня не просто с мольбой. Это агония. Она ломалась. Но ещё не сломана. Брось мне перстень вчера шли бы сегодня каждый своей дорогой.

— Горисвету расскажешь, убивала или нет, — я сказал тихо и холодно. — Где перстень?

Она опустила голову, всё ещё вздрагивая, как от холода. А потом, сделав над собой нечеловеческое усилие, она медленно, будто выполняя ритуал, опустилась передо мной на колени. Братила, стоящий у неё за спиной, хмыкнул и отвернулся к реке. Айка подняла на меня взгляд, в нём не осталось ни капли прежнего нахального обаяния только отчаяние и трепет. Она знала, что делает.

— На удачу, Ворон. — Она положила в мою ладонь тёплую медяшку. — Чтобы верить было не так дорого.

Я хмыкнул.

— Я знаю... ты найдёшь убийцу. Я буду твоей тенью, Горша, твоей помощницей. Я лучший вор в Верее. Буду служить тебе, пока не отплачу долг. Я буду делать всё, что ты скажешь. Всё. Клянусь Зорей и всеми тенями Вереи. Твоя воля мой закон.

— Встань. — Я взял её за подбородок и потянул вверх, чтобы она встала с колен. В глазах Айки мелькнула радость и надежда. — Ты не будешь моей помощницей, ты будешь моей собакой. И принесёшь мне перстень.

— Я... продала его Чаёвнику, — выдохнула она. — Когда поняла, чей это перстень, попробовала вернуть. Вернула ему деньги, но он лишь рассмеялся. Сказал, что знает кому отдаст перстень. Не мне.

— Он не вернёт, — констатировал я.

Продала Чаёвнику. Его ж никто и не видел толком, одни слухи. Как она умудрилась?

— Тогда нам нужен Лис! — Вскрикнула Айка, снова хватая меня за рукав, в её голосе звенела паника. — Он знает всё! Поможет стащить перстень.

— Что ж, — я повернулся к Братиле, который молча наблюдал за этой сценой. — Похоже, у нас появилась новая... ищейка. Веди к своему Лису, Айка. И больше без фокусов.

Логово Лиса оказалось в заброшенном складе в порту. Раньше здесь хранился контрабандный шёлк с востока. Очень давно. Кругом воняло протухшей рыбой и валялись груды ржавого железа. Стены, покрытые плесенью и похабными надписями, впитывали звуки шагов. Нагромождения ящиков с сомнительным содержимым создавали причудливый лабиринт.

На одном из ящиков мне на глаза бросилась неаккуратно нацарапанная надпись: «Вышеславские знают всё». Я ускорил шаг. Склад был его берлогой: горы мусора, покрытые паутиной, масляная лампа, тускло светившая на грязный стол. Войдя внутрь, мы застали этого низкорослого гривца за черканием каких-то каракуль на мятом пергаменте.

Увидев нас, он уставился на Айку как на призрака. Глаза на выкате впились в её силуэт у стены.

— Уходи, хех! — Зашипел он, а его мутные желтые глаза бегали с меня на Братилу. — Чума принесла, ей-богу! Убирайся вон! Пока чёрные псы по следу не пришли! Тебя ж ищут!

— Сядь, — резко приказал я, и он плюхнулся на мешок с каким-то хламом. — Нам нужна информация. Быстрее расскажешь, быстрее уйдём.

— Хех, расскажу, ясно дело! — Лис нервно облизнул пересохшие губы. Он перевёл взгляд с меня на Братилу, который стоял в дверях. Огромный, мрачный и пугающий. — Только за это нужно платить, хех! Серебром!

Я медленно достал из кармана две куны и бросил их на стол. Они звякнули и тут же скрылись под его ладонью.

— Это твой аванс. Две сплетенные змеи, слышал о таком гербе? Он был на перстне. Она продала его Чаёвнику. Кроме Вышеславских такой герб есть ещё у кого? Ты знаешь где Чаёвник своё добро хранит?

— Чаёвник... — Он прошипел с ненавистью. — Идиотка! Он не скупщик, а могильщик! Он продаст тебя опричникам за резан. Змеи...

Лис подошёл к закопченному оконцу и нервно отодвинул край рваной тряпицы, проверяя улицу. Он теребил на груди железную нашитую рыбку, будто гладил её против чешуи.

— Змеи... Это же печать Вышеславских, вы представляе-

те, хе-хе? Ей скрепляют сделки, которые не должно видеть солнце, знаете ли, его голос упал до шёпота. Если печать была у Червона... — Он нервно сглотнул значит, она была снята с мёртвой или отчаявшейся руки.

Братила, стоявший в дверях и перекрывавший единственный выход, рыкнул. Даже этот дубина оценил масштаб наших проблем, если будем копать дальше.

— Ветеран. Он где-то раздобыл этот чёртов перстень и искал деньги, чтобы свалить из города, — я подтолкнул Лиса к столу. — Есть мысли, кому принадлежал перстень?

— Я... я слышал, — Лис схватился за голову. — Ходили слухи... что один из доверенных гонцов Вышеславского пропал несколько зим назад. Он вёл какую-то тайную переписку или вроде того. Его искали тихо. Если этот перстень оттуда... это убийство не просто солдата. Это интрига. А интрига князя ведёт прямо на эшафот. Для всех нас!

«Эшафот» слово Лиса повисло в воздухе. И странное дело оно не испугало. Ощутимо щелкнуло внутри, как взведённый курок. Не страх, а знакомое, азартное оживление. Ощущение западни, в которую предстоит войти. Дело из способа заработка превращалось в вызов.

— Вот и вся цена, Лис, — я улыбнулся холодной, хищной улыбкой и подошёл к столику, за которым сидел гривец. — Ты поможешь нам забрать перстень у Чаёвника, иначе Ярополк и Горисвет придут за тобой. Не в твоих интересах, чтоб печать всплыла. И ты вряд ли далеко убежишь до их прихо-

да, с переломанными то ногами. А, Братила, что думаешь?

— Кабы нет! А чё только ноги то?!

Братила подошёл и взял Лиса за руку, начал медленно прощупывать суставы.

— Знаешь, малявка, кости на запястье очень мелкие. Если их правильно сдавить, гыы, они крошатся, как сухарики к браге. Лечить такое не возьмется ни один знахарь рука станет сухой веткой.

Я оглядел свою компанию: Братила, Айка, теперь этот трусливый хмырь. Нам нужно забрать перстень. Айка сказала, ты знаешь где у скупщика тайник. Лис застонал, вырвав свою кисть и опустился на стул.

— Вы безумцы, — прошипел он, закрывая лицо руками. — Ладно... Я покажу, где тайник. Но просто так вы туда не войдёте.

Мы вышли из берлоги Лиса, и холодный ветер с Змеевицы ударил в лицо, словно пытался отмыть запах страха и рыбы. За спиной у меня теперь было трое: одержимый, отчаявшаяся и трус. Идеальные спутники, разве нет?

Шли молча. Впереди порт, за ним тёмная вода и ещё более тёмные сделки. Я чувствовал, как дело затягивается вокруг шеи, медленно, без суеты.

ВЫШЕСЛААВСКИЕ
ЗНАЮТ ВСЁ.

Глава 4. Дырявая лодка.

Иногда нужно разрушить всё до основания, чтобы понять — а ведь неплохой был фундамент!

Мы брели за Айкой по «Кривым переулкам» — месту, где даже тени боятся выходить в одиночку. Под ногами хлюпала грязь, перемешанная с отбросами. Лис старательно перепрыгивал и обходил кучи мусора, теребя на ходу безделушки, пришитые к одежде: медный колокольчик, обломок зеркальца, грязное перо, стальную рыбку. Каждый его пируэт был излишне театральным. Он бурчал: «ясное дело, тут даже тени мокрые от страха». Одна из крыс, снующих под ногами, встала на задние лапки перед Лисом и тявкнула.

Дома здесь гнулись друг к другу так близко, что казалось, будто крыши соприкасались, как больные, уткнувшиеся лбами. Между ними тянулись верёвки с бельём — тяжёлым, мокрым, похожим на вздувшиеся трупы. Верея никогда не прячет смерть, она выставляет её напоказ.

Воздух в Кривых переулках был густым и сладковато-гнилым, им нельзя надышаться. Братила шёл, низко опустив голову, будто пробивался сквозь невидимую паутину. Я ловил себя на том, что непроизвольно касаюсь рукояти ножа каждые двадцать шагов.

Я шёл за воровкой, рядом со мной топал морочь-костолом и гривец, трясущийся от каждого шороха. В нашей странной

четвёрке я видел карикатуру на город: коварство, сила, страх и хитрость, связанные в один узел.

— А я слыхал, — Лис не замолкал, будто боялся тишины, — что ветераны сами травятся от скуки! — Он хихикнул сипло, потом, заметив моё молчание, добавил. — Один воякa, говорят, так напился, что принял брагу за слёзы матери и утонул прямо в кружке! Глубокая смерть, почётная!

Он то и дело пытался встретиться с кем-то из нас взглядом, будто искал одобрения каждой фразе. Братила повернул голову, ударил кулаком по стене. Ветхая штукатурка посыпалась.

— Кабы нет! — рыкнул он. — Ещё слово, хмырь, и язык твой в зад упрячу!

Лис съёжился, прижал плечи, но через три шага снова захихикал. Теперь тихо, но ещё гаже.

— Тут крысы деловые. Видел — одна с ногатой бегала. Зубами держит, хвостом цену загибает! Настоящий купец, право слово!

Смех его был липким, натянутым, как сырая паутина. Я молчал. Иногда глупая болтовня — лучший камуфляж. Пусть те, кто наблюдает, решат: пьяная компания.

— А слыхали? На юге сардисцы свои галеры в боевой порядок строят. Скоро в Верее вместо чая будем пить морскую воду, ясное дело! — Мы перестали реагировать на болтовню Лиса.

Айка шла первой. Её движения напоминали скольжение

тени — плавные и бесшумные. Перед каждым поворотом она замирала на мгновение, прижимаясь к стене спиной, лишь лёгкое движение груди выдавало дыхание. Она кралась вдоль стен, выбирала такие пути, куда человек без её чутья не сунется: крыша бани, лаз за амбаром, подвал с прогнившими досками. Она не просто знала город, она читала его, как книгу.

Я видел, как она всё чаще вертела головой и вздрагивала от любого шума: шаг стал короче, дыхание сбилось, пальцы играли амулетом у шеи. Взгляд метался по сторонам, как у зверя, возвращающегося в логово хищника. Видать мы были близко.

— Он в «Чайной Капле», — прошептала она у седьмого причала. — Вход с канала. Подвал — его настоящий дом.

Я почувствовал её волнение ещё до того, как приметил дрожь. Она откашлялась, словно хотела заглушить собственный страх.

Мы решили, что переночуем в укромном месте, а двинемся с рассветом. В дозоре быстро учишься понимать, когда караул противника менее бдителен. Мы забрались в заброшенный амбар. Аромат прелого сена ударил в нос, смешиваясь с запахом крысиного помёта. Луна лезла сквозь прогнившие дыры в крыше белыми полосами. Кроме сорвавшихся с крыши и улетевших летучих мышей, в нём никого не было. Пол усыпан опилками, стены изъедены влагой. На них углём выведены надписи: «убивец Тур-Глухарь», «Смерть дешёвая,

брага дорогая», «Вышеславские — узурпаторы», «Вирьям и гривцам — рея!».

Лис полез в карман и достал огниво — быстро, будто давно ждал повода занять руки. Огонь вспыхнул, тьма вокруг чуть отступила, но не ушла — просто стала угловатой.

Братила не сел. Он встал спиной к стене и долго молча оглядывал углы, как дозорный. Потом подтянул к себе гнилой ящик, сломал крышку, натаскал щепы и начал разводить костёр — не свечу, не лампу, а костёр, будто мы в лесу. Он подкидывал щепу снова и снова, даже когда жар стал ощутимым. Потом придвинулся ближе и сел так, чтобы спина упиралась в стену, а взгляд видел вход, проход и оба дальних

угла.

Лис крутил самострел, разбирая и собирая его.

— Не смотри так, — буркнул он, заметив мой взгляд. — Я… когда руки заняты, не думаю.

Он щёлкнул спуском в пустоту. Щелчок был сухой. Уверенный. Айка устроилась в самой тени, будто пыталась стать её частью. Обняла колени, прижала к груди амулет и начала свистеть свою мелодию — ровно, как считалку.

Я точил нож. Шорох точила был ровный, как пульс, который ты слышишь в собственной голове, когда вокруг слишком тихо.

Лис заговорил первым — молчать этот гривец не умел.

— Ну… — он поскрёб щеку, усмехнулся как-то жалко. — Раз уж мы теперь… в одной дырявой лодке… давайте хоть узнаем, кто с кем тонет. А то я не люблю тонуть с незнакомцами. Неловко.

Он попытался поймать взгляд каждого.

— Начни с себя, — сказал я.

Лис хмыкнул, потёр пришитые к кафтану побрякушки — медный колокольчик, обломок зеркальца.

— Я? Я… Говорят, родился в корабельном трюме. Не помню родителей, они потеряли меня на пристани. Или выбросили. — он сделал паузу, как актёр, которому нужен свет. — А ещё, например, я никогда не крал у бедных.

Айка коротко фыркнула.

— Ага, — сказала она. — Ты просто забирал у бедных “в

долг".

Лис улыбнулся шире — но глаза не улыбались.

— Ну, ладно, — быстро сдал назад. — Забирал. Но всегда… — он щёлкнул пальцами, — …с мыслью о будущем. Вдруг потом верну.

— И как? — спросил я.

Лис посмотрел на огонь.

— Я ещё не разбогател, чтобы вернуть — сказал он. — Успею.

Братила, не отрывая взгляда от тёмных углов, буркнул.

— Я загребушником был. Языков таскал. На войне. Ночами.

Сказал просто, как факт. Но на слове "ночами" он почти незаметно подбросил щепу в огонь, будто подстраховался.

— И сколько языков ты отрезал? — колко спросила Айка.

Братила медленно повернул голову.

— Я не отрезал, — сказал он. — Я вязал и тащил в лагерь. А дальше… дальше делали те, кому положено. Сечёшь?

Это тоже был лишь кусочек правды. Айка помолчала.

— Я не убиваю ради забавы, — она обхватила колени руками. — В приюте Святой Девы нас учили, что жизнь — это дар. Я ушла оттуда, потому что не хотела быть «даром» для каждого проезжего купца. Обычно просто беру то, что люди плохо держат. Это честный обмен: их невнимательность на мою сытость.

Лис вскинул брови.

— Красиво сказано. Почти как молитва.

Айка посмотрела на него так, что он сразу вспомнил, что у него есть горло.

— А ты, Горша? — спросила она вдруг. — Что ты делал на войне? Шил людей? Резал людей?

Я не ответил сразу. Пауза повисла на гвоздях.

— Я делал так, чтобы они не умирали сразу, — сказал я наконец. — Иногда это хуже, чем «сразу».

И это тоже было правдой, которая ничего не объясняла. Мы сидели так несколько минут. Огонь трещал. Тьма шевелилась.

— Хватит, Братила, зажаримся, — осадил я его после очередной связки щеп, брошенных в костёр.

— Тепло — это жизнь, — буркнул он, не сводя взгляда с углов, где тени шевелились от малейшего дуновения. — В темноте врага не видать. А враг, он завсегда там. Ждет, когда моргнёшь. — Он снова поправил костёр, выстраивая из углей идеальную пирамиду.

И вдруг Братила, не глядя ни на кого, сказал:

— Кто-нибудь из вас… — он хмыкнул и снова, слишком быстро, поправил костёр, — …боится?

Лис нервно хихикнул:

— Я? Я не боюсь. Я — предусмотрительный.

Айка пожала плечом:

— Страх полезен.

И все трое посмотрели на меня. Я понял, что от меня ждут

не ответа. Они ждут слабости.

— Бояться — нормально, — сказал я. — Плохо — когда боишься одного и делаешь другое.

Лис отвёл глаза. Я видел, как он то сжимает пальцы, то отпускает, и время от времени трогает шею — словно там был не воротник, а невидимая петля. Он был не просто трусом. В нём была какая-то другая причина дрожать.

В амбаре стало теплее. Не от костра, от того, что мы приоткрыли маски. Я точил нож... и внезапно остановился. Взгляд упал на Айку, которая снова кусала губу.

— И всё-таки, — голос мой прозвучал тише точильного камня, но она вздрогнула, как от удара. — Нахрена ты продала перстень? Ты же не слепая. Золото, камни, какой-то герб. Даже гривец на базаре понял бы — вещь не простая.

Она замерла, потом резко вскинула голову. В её глазах вспыхнул тот самый огонь — смесь ярости и отчаяния.

— Я не знала! — выдохнула она сдавленно. — Для меня это был просто... блестящий хлам. Дорогой. Я думала — украла, продала, забыла. Так все живут!

— И продала первому встречному? Чаёвнику?

Лис вздрогнул так, будто услышал своё имя в приговоре.

— Он не первый встречный! — она почти крикнула, потом сжалась. — Он... он покупает без вопросов. Я хотела избавиться быстро. А потом... потом он усмехнулся и сказал: «Милая, ты только что продала мне печать Вышеславских». Хотела выкупить обратно, но он отказал.

— Значит, ты сама отрезала нитку, — сказал я.

Айка подняла глаза.

— Да, — сказала она. — Моя вина не в убийстве. Моя вина — в том, что я… — она сжала амулет, — …неосознанно помогла тому, кто убивал. Я уничтожила цепочку доказательств, продав улику.

— И поняла, что одна ты не справишься, — сказал я.

Айка кивнула, не отводя взгляда.

— Дальше — либо Дом Камня, либо… — она усмехнулась уголком губ, — …либо гордость в карман и к человеку, который не выдал, хоть и мог.

Она сказала это колко, но в этом было признание. Не дружбы — нужды. Братила долго смотрел на Айку, потом буркнул.

— Что-то мало среди нас здоровых на голову.

Лис хохотнул — слишком громко, слишком не к месту.

— Кто бы мог подумать, хе-хе, — сказал он. — А я-то думал, я один такой проницательный.

Я смотрел на них и вдруг понял то, что окружён такими же, как я. Не героями. Сломанными.

Огонь трещал. Братила подкидывал щепу ещё и ещё, будто пытался озарить светом весь амбар. Потом в какой-то момент его голова всё же клюнула, он провалился в сон.

Лис ещё долго ворочался. Глядел то на дверь, то на Айку, то на меня. Словно выбирал, кого бояться сильнее. Перед тем как провалиться в сон, он тихо зашептал, перебирая

пальцами железную рыбку на груди.

— Только бы не сегодня… Только бы не сегодня, матушка-рыбка...

Утро пришло с пронзительным криком чаек. В Верее рассвет не начинается — он натужно вползает. Не вспыхивает, не разливается золотым светом, как где-то в других местах, о которых рассказывали пьяные моряки. Протекает сквозь закопчённый воздух, через дым костров и чад кузниц. Утро просачивается медленно и липко, окрашивая камни, лица и стены в серо-болотные тона. Мы двинулись в путь. Айка вела, прыгая с камня на камень. Она насвистела «Раз — скользну...» и сбилась.

— Почти привела, — подняла на меня глаза. — Скажи «пожалуйста». Хоть раз в жизни.

— Веди.

— Пожалуйста?

Я выдохнул. Нож в руке звякнул о ножны.

— Веди, Айка. Пожалуйста.

Она улыбнулась уголком губ. И двинулась дальше.

«Чайная Капля» стояла у седьмого причала — неприметная лавка с обветшалым фасадом. Лис застыл, будто уткнулся лбом в невидимую стену. Его рот открылся — и закрылся, как у рыбы, которую вытащили на воздух.

— Может… — начал он и тут же проглотил слово. — Может, не сюда. Там… — он ткнул пальцем куда-то в сторону, не глядя, — …есть другой проход. Тише.

Братила шагнул к нему, и Лис отступил, подняв ладони.

— Я просто… просто думаю. Живой, значит, думаю.

Он нервно тронул шею. Взгляд его на секунду стал не трусливым — умоляющим. Но не к нам. К самой двери.

Мы вошли — и они рванули.

Не как засада, не как ловушка — как свора, которой сказали “фас”, но забыли объяснить, кого именно кусать первым. В узком зале “Чайной Капли” пахло мокрой древесиной и чайной гнилью. Слева — стойка, справа — очаг с тлеющими углями, у дальней стены — занавесь, за которой Айка показывала вход в подвал. Пространство маленькое, но достаточное, чтобы умереть в каждом углу.

На нас вывалились сразу: несколько кузарей с взлохмаченными бородами, двое гривцев, морочь-отступник, матросы.

Братила не успел отцепить от пояса свою дубину.

— Кабы нет! — рявкнул он и схватил стол, как щит: доски хрустнули. — Первый под руку — череп в лепёшку!

Гривец кинулся к нему — быстрый, злой. Братила шагнул навстречу и впечатал его в стену краем стола. Я поморщился от хруста.

Морочь пошёл на меня — высокий, вязкий, с руками как весла. Я не встретил силу силой. Шагнул вбок, как в дозоре учили: пусть удар проходит мимо, пусть тело врага само раскроется. Мой носок пришёлся в его голень, рукоять ножа — в кадык. Он захрипел, но не упал.

Слева Лис щёлкнул самострелом. Болт ушёл в лицо бу-

гаю, который нависал надо мной. Тот рухнул так тяжело, что доски под ним вздохнули. Из глаза торчало толстое короткое древко. Лис судорожно потянул тетиву обратно, перезаряжая, — и на секунду руки у него дрогнули. Болт выпал, покатился под лавку.

— Лис! — рявкнул Братила, не оборачиваясь.

Лис метнулся за болтом и в этот момент картина боя сместилась: матрос справа увидел “слабого” и пошёл на него с крюком в руке.

Айка подхватила скатерть со стола, дёрнула — ткань накрыла двоих, как сеть. Один запутался, второй ударил вслепую и попал по-своему. Крики стали выше.

Матрос с крюком уже почти достал Лиса — тот попятился, рухнул, зацепившись пяткой. Самострел оказался у него в руках сам. Он даже не целился — просто дёрнул спуск и выстрелил снизу вверх. Болт вошёл в горло. Матрос сделал один шаг, как будто ещё пытался идти, и осел, оставляя на досках тёмную дорожку.

— Я с вами! — выдохнул Лис.

Я отступил на шаг, не сводя глаз с широкоплечего кузаря, который нёсся ко мне, размахивая дубиной. Я вынул из кармана горсть песка и кинул ему в глаза. Он взвыл, замахнулся наугад, я шагнул в клин, поднырнув под дубиной: плечом в грудь, поворот корпусом — и отправил его в очаг. Пахнуло палёным мясом.

Сзади кто-то схватил меня за плечо. Я ударил локтем на-

зад — в переносицу — и услышал знакомый звук: нос ломается не громко, а мокро.

Братила тем временем шёл как таран, осыпая ударами тех, кто попадался. Но и он начал выдыхаться: нога его скользнула по луже крови, стол щёлкнул в руках, и на миг он потерял равновесие. Морочь-отступник сразу рванул вперёд, чтобы добить.

Айка свистнула — коротко, резко.

Я шагнул на опережение и ударил ногой. Он упал на одно колено, Братила, уже восстановившийся, врезал ему столом сверху так, что из него вышел весь воздух разом.

Мы стояли среди тел, дыша тяжело и неровно. На секунду показалось, что победили.

И тут я услышал топот подкрепления. Много ног.

— Вниз! — Айка свистнула снова, уже без мелодии.

Мы рванули к занавеси. Я сорвал её плечом, Братила протиснулся боком, Лис полез следом, оглядываясь так, будто ждал, что кто-то назовёт его по имени. Айка нырнула последней — и люк захлопнулся за нами, оставив наверху крики и шаги. Лис повернул засов люка, запирая нас изнутри.

Ступени вниз были скользкие, пахло плесенью. Братила летел первым, сотрясая доски. Лис спотыкался, хватался за стены. Айка скользила бесшумно, как привидение, но её учащённое дыхание выдавало панику.

Сверху грохнуло. Раз. Второй. Люк задрожал под ударами.

— Ломают! — прошипел Лис.

— Не сломают, — скрипя зубами, сказал Братила. — Дуб, обшитый железом.

Но следом раздался другой звук — скрежет стали о петли.

— Вскроют этот или найдут другой вход, — прошипела Айка. — Здесь их логово. Они знают каждую дыру.

Где-то в темноте хлюпнула вода. Мы шли на ощупь. Потолок то опускался, заставляя пригибаться, то исчезал в непроглядной вышине. Ледяная вода доходила до щиколоток, потом до колен. Один раз Айка резко остановилась — я едва не врезался ей в спину. Сверху прошли шаги. Прямо над нами. Медленно. Кто-то волочил ногу. Мы застыли, не дыша, пока вода вокруг не перестала дрожать.

Один раз я шагнул в пустоту — вода внезапно ушла из-под ног, и я рухнул бы в чёрный колодец, если бы Братила не вцепился мёртвой хваткой в мой ремень. Я повис на мгновение, слыша, как далеко внизу плюхнулась оторвавшаяся от стены глыба грязи.

— Осторожней, следопыт, — прохрипел морочь, втягивая меня обратно. — На дне, чай, не перинка, кабы нет.

Сверху, уже приглушённо, донёсся треск — люк поддался. И сразу послышались голоса, отражённые эхом каменного горла: «Рассредоточиться! Воры ещё здесь!»

— Быстро! За мной, если хотите жить! — Лис, будто струна, сорвался с места. Не в темноту впереди, а вдоль стены вправо, протискиваясь в узкую щель, почти незаметную в су-

мраке.

Мы рванули за ним цепочкой. Он не колебался: на третьем повороте шарахнулся плечом в груду пустых бочек, они с грохотом покатились за нами, заполняя тоннель грохотом и лязгом. Погоня позади взревела и замешкалась.

— Ловко! — выдохнул Братила, протискиваясь за ним.

— Не хвали рано! — Лис юркнул в низкий арочный проход. — Тут!

Мы вывалились в крошечную каморку, отгороженную от основного подвала кирпичной кладкой. Воздух здесь был неподвижным и пахло железом, пылью и чем-то едким — химикатами или ядом. В луче света из щели в потолке стоял ящик. Небольшой, окованный по углам потускневшей медью.

Лис, облокотившись о стену, тяжело дышал.

— Вот… я же говорил. — Он ткнул пальцем в сторону ящика, но сам не сделал ни шага. — Берите своё сокровище и уносим ноги. Только быстро. Они знают эти ходы.

Айка, не теряя ни секунды, опустилась перед ящиком на колени. На крышке была мутная медная табличка с какой-то надписью. Айка провела пальцами, смоченными в собственной слюне, и проявилась надпись: «Тронешь — сгинешь. Ты видел смерть. Теперь смерть видит тебя». Она присела на корточки над ящиком. Зашептала глухо, почти шёпотом:

«Раз — скользну, и враг не видит,

Два — шагну, беда не выйдет,

Три — дыхну, и тень со мной,

Четыре — путь держу прямой,

Пять — своё в ладони спрячу,

Шесть — никогда я не заплачу»

Я завороженно наблюдал. Её мокрые от слюны пальцы скользили по замочной скважине. В руке блеснула отмычка. На «пять» пружина замка заскрипела. На «шесть» замок щёлкнул и открылся. Любое мастерство, доведённое до абсолюта, становится похоже на магию. Она вскрыла его.

На чёрном бархате лежал перстень. Не просто украшение — сгусток власти. Две золотые змеи с изумрудными глазами сплетались в вечной борьбе. Металл был неестественно холодным, словно впитал холод всех подвалов Вереи. Лис протянул руку. Айка резко её оттолкнула и схватила первая. Лицо гривца дёрнулось, как у ребёнка, у которого вырвали сладость.

Айка сжала перстень в кулаке. Она смотрела на него так, будто это был не металл, а живая змея, готовая укусить.

— Тяжёлый, — прошептала она. — И красивый. Может оставим себе?

Я протянул руку.

— Дай.

Она передала неохотно. Перстень лёг на мою ладонь — и правда, весил больше, чем должен. Змеи смотрели на меня изумрудными глазами, и на миг показалось, что они моргнули.

Нас нашли. Послышались приближающиеся голоса. Мы рванули, уже не скрывая шума. Вода взлетала брызгами. Лис хлюпал и всхлипывал. Айка внезапно свистнула — коротко, отчаянно — и рванула в боковой проход, такой узкий, что Братиле пришлось втискиваться в него боком, со скрежетом кольчуги о камень.

И тут мы упёрлись в стену. Тупик. Сзади нарастал шум погони. Блики факелов заплясали на повороте.

— Вот и сказочке конец, — безнадёжно прошептал Лис, прижимаясь к стене.

Айка, не говоря ни слова, рухнула на колени в ледяную воду и начала шарить руками по стене у самого основания. Её пальцы нащупали выщербленный камень, потянули.

— Решётка! — выдохнула она. — Сточный лаз! Помогите!

Братила всунул пальцы в щель. Мускулы на его плечах

вздулись буграми. Раздался душераздирающий скрежет ржавого металла, и чугунная решётка, лопнув пополам, отвалилась, открыв чёрную дыру, откуда потянуло ледяным, смердящим потоком воздуха.

— Первым! — я толкнул в отверстие Лиса. Тот исчез с жалобным всхлипом. — Айка, за ним!

Когда Братила протискивался в дыру, я уже видел в конце коридора тени. Кинул последний взгляд на преследователей и нырнул в канализационную пасть следом.

Мы выползли на свет, вернее, в сумерки, через полу заваленный выход коллектора. Оказались в переулке в двух кварталах от порта. Мимо, не глядя на нас, протащили телегу с рыбой. Какая-то баба в окне закричала на детей. Жизнь города текла мимо, даже не заметив, что из её подземных жил только что выплюнуло четырёх новых беглецов.

— Чаёвник непременно узнает, кто мы! Скормит мою печень собакам, ясное дело! Я теперь с вами, слышите? Один — труп. С вами — хоть шанс!

Я подумал: страх — это лучший цемент. Союз, склеенный страхом, держится крепче, чем клятвой.

Айка молчала. Она, не переставая крутила головой, кусала губу, пальцы подрагивали. Иногда она бросала на меня взгляд и тут же отворачивалась, будто сама себе запрещала. Мы вернулись в амбар. Братила перевязывал рану на бедре обрывком тряпки и, тяжело хмыкнув, буркнул.

— Славная царапина! — он затянул узел. Посмотрел на

нас всех и добавил:

— Мужик создан не для счастья, а чтобы выжить среди грязи и не сдохнуть от собственной слабости.

Лис дрожал в углу, шептал: «Я не мужик… зато живой». Айка смотрела в стену, в её глазах тлела тоска.

Я держал перстень. Жёлтая глина. Заречье. Червон. Герб Вышеславских. Опричники. Картина складывалась страшнее, чем хотелось видеть. И если эта печать уже убила одного ветерана, то нас она может убить всех — просто за то, что мы дышим рядом.

— Теперь мы все в одной лодке, — сказал я. — И эта лодка с дырками. Отдохнём и обсудим наш план.

Я посмотрел на каждого. Братила, мрачно кивнул и ударил кулаком по груди. Лис выдал жалкую гримасу за улыбку. Айка, не поднимая глаз, что-то прошептала. Я подумал: война научила меня — враг всегда приходит снаружи. Но предают только те, кому доверяешь. К счастью, я никому из них не доверял.

Я долго лежал, глядя в прогнившую крышу, где луна пробивалась белыми полосами. Братила уже храпел. Лис ворочался. Айка сидела у стены, не спала. Я достал перстень. Покрутил в пальцах. Змеи смотрели на меня холодными глазами. Кто-то уже умер за эту штуку. Кто-то ещё умрёт. Вопрос был только — кто из нас.

Где-то вдалеке каркнул ворон. Один раз. Второй. Третий.

Три раза — примета очень плохая. Я закрыл глаза.

Глава 5. Воск и глина.

Молчание – крик, на который никто не прибежит.

Я открыл глаза и сел. Солнце пробивалось сквозь щели в стенах амбара, рисуя на полу узоры из пыли и света. Потянулся за флягой с водой, разлил по кружкам. Себе и Айке. Она спала, свернувшись калачиком. Её тёмные косички растрепались по лежанке из старого мешка. На запястье я заметил тонкий шрам. Интересно, как она его получила?

— Просыпайся, — сказал я, толкнув её сапогом. — Утро мудрым не помеха.

Она вздрогнула, села. Потянулась. В её глазах на секунду мелькнуло что-то дикое — инстинкт уличного зверька, которого разбудили раньше времени. Потом она увидела кружку и кивнула.

— Спасибо, — пробормотала, взяв воду. Её пальцы были холодными.

В амбаре пахло сыростью, перемешанной с ароматом прелого сена. Тишину резал только прерывистый храп Лиса, свернувшегося в углу. Я начал водить точильным камнем по лезвию ножа, снимая мерку взглядом. Братила — таран. Прямолинеен. Полезен, пока его «долг чести» совпадал с моим интересом. Лис — дрожащий комок инстинктов. Карман с монетами прикрывал даже во сне. Привычка мошенника. И Айка... Она смотрела сквозь меня. Словно видела того парня из Ржавца, которого Вечная война сточила в этот вот нож. Раздражающе.

Костерок почти погас. Холод пробирался под плащ, ку-

сая за старые раны. Я чувствовал каждое сочленение костей — война оставила во мне слишком много отметин, которые напоминали о себе в сырые рассветы. Верея просыпалась неохотно, выплевывая в небо серый, вонючий дым из печных труб.

Братила потянулся и сел на корточки у костра. Его движения были методичными, почти ритуальными. Сначала мелкие щепки, потом побольше, потом поленья.

— Холод костей не уважает, — буркнул он.

— Хватит скрежетать, — прохрипел Лис, не открывая глаз. — У меня в башке и так кузнецы наковальню делят.

Он сел, кутаясь в свой нелепый кафтан, увешанный амулетами. Его пальцы, желтые от табака, судорожно проверяли кошель на поясе. Даже в этом сарае, среди своих, он боялся остаться нищим больше, чем мертвым.

Я взял котелок. Вода из бурдюка была тёплой и пахла кожей, но это всё равно была вода. Поставил котелок на угли, подождал, пока по краям не пошли маленькие пузырьки. Бросил щепоть соли.

Айка вывалила из мешка запасы, купленные после продажи перстня: сушёное мясо, крупу, несколько луковиц, увесистый ломоть чёрного хлеба, горсть грибов, пару крупных картофелин. Я подошёл к кадке во дворе и снова наполнил бурдюк дождевой водой.

Вернувшись, увидел, что Айка уже нарезает лук на плоском камне — быстро, короткими движениями. Лис, вдохнув,

закашлялся.

— Дыши ртом, — сухо сказала она.

Лук ушёл в котелок, за ним — грибы, сушёное мясо, крупа. Вода потемнела, стала густеть.

Братила, хоть и делал вид, что ему всё равно, достал из мешка кусок баранины, посыпанный солью и красным кузарским перцем. Оторвал кусок жира и бросил на лист железа, заменяющий сковороду. Сало зашипело, вытопилось, пошёл дымок. Амбар на минуту стал похож на дом, а не на убежище.

— Вот это правильно, — сказал Лис с уважением, будто речь шла о стратегии войны. — А то ведь справедливость на пустой желудок, это же истинная злоба.

Братила молча перевернул шкварки ножом. Я поморщился, глядя на его лезвие — всё в зазубринах. Остальные куски баранины он нанизал на железный прут и стал держать над огнём. Жир капал в угли, шипел, вспыхивал. Запах ударил в нос — слюна потекла. Картофелины Лис зарыл в золу у края костра.

Когда похлёбка дошла, Айка сняла котелок с огня, добавила в него щепотку сухих трав. Размяла хлеб, смешала с травами — мята, дикий чеснок. Брага из фляги Лиса пошла по кругу — обжигая горло и разгоняя кровь.

Лис принял свою долю баранины, обжигая пальцы и дуя на сочащееся соком мясо. Он откусил кусок, зажмурился от удовольствия. Вдруг хихикнул, глядя на розоватый мясной

сок, капающий на пол.

— А ведь Червон сейчас тоже остывает, — выдал он, причмокивая. — Только без специй, ясное дело. Лежит себе на ледяном столе, синий, как слива.

Айка замерла с куском хлеба у рта. В амбаре стало тихо — слышно было, как трещит уголь.

Братила медленно опустил свой прут с мясом. Его лицо, налитое тяжелой, свинцовой яростью, подалось вперед. Он не закричал. Морочи редко кричат перед тем, как сломать тебе шею.

— Ты… падаль тыловая, — пророкотал он, и голос его вибрировал, как натянутая струна баллисты. — Червон кровь лил, пока ты по щелям ногаты тырил. Он солдат был. Честь имел.

— Да брось, Братилушка, какая честь у покойника? — Лис попытался вжать голову в плечи, но язык его, подстегнутый брагой, не унимался. — Мертвецу всё равно, в гробу он или в канаве. Справедливость — она для тех, кто жует. А он уже…

БАХ!

Удар кулака Братилы обрушился на край стола. Доски жалобно крякнули, кружка Лиса подлетела в воздух, обдав его липкой сивухой. Громила встал, возвышаясь над гривцом, как осадная башня.

— Ещё раз… — Братила вытянул палец, толщиной с хорошую колбасу, и ткнул Лису в грудь. — Ещё раз пасть от-

кроешь про мёртвых братьев — разделаю. Без специй. Сечёшь?

Лис сглотнул, давясь непрожёванной бараниной. Весь его боевой задор испарился, оставив только липкий страх.

— Секу… Секу, Братила. Шутка же… Ясное дело, неудачная…

Я смотрел на них, не отрываясь от своей похлёбки. Разница между ними была проста: для Лиса смерть была анекдотом, для Братилы — религией. А для меня?

Когда с едой было покончено, наступило время, которое на войне называют «часом живых». Я проверил свою сумку: бинты, иглы, нож, огниво, оселок. Основное на месте. Не помешали бы парочка дымовых шаров, но ингредиентов для них сейчас нет.

Расстелил на столе тряпку, выложил ножи. Первым делом я протёр лезвия маслом, снял кровь и ржавчину. Взял оселок и начал водить им по клинку, создавая идеальную режущую кромку. Звук был успокаивающим, гипнотическим. Война научила меня, что чистое оружие — залог жизни. Не только физически, но и морально. Грязное оружие напоминает о смерти.

Лис наблюдал за мной, жуя кусок хлеба.

— Хе-хе, настоящий мастер! — он говорил и жевал одновременно. — Я как-то видел, как один солдат точил саблю перед боем. Говорил: «Хочу, чтоб враг умер от хорошего клинка». Ясное дело, его убили из лука, пока он точил.

Братила достал свой тесак и камень, но точил не так, как я — грубо, с нажимом, будто срезал с клинка не заусенцы, а слои. Потом разобрал ремень, проверил застёжки, подтянул пряжки. Перевязал шнур на ножнах.

Айка проверила свои карманы. Достала набор отмычек и ласково протёрла их тряпкой. Перебрала травы: что осталось, что потратила, что надо добыть. Один мешочек был пуст — она на секунду задержала на нём взгляд. Села на пол и стала перешнуровывать свои высокие сапоги.

Я подошёл и протянул ей отобранный в таверне стилет. Она посмотрела на меня снизу вверх, улыбнулась и достала из второго рукава точно такой же. Айка не точила их, просто протирала мягким лоскутом кожи до зеркального блеска, глядя на свое отражение с нежным обожанием. Встала, развязала свой потрёпанный мешок, достала оттуда небольшой набор: склянку маслянистой жидкости, связку трав и кусок чистой ткани. Подошла к Братиле, который сидел у костра с разорванной на плече рубахой.

— Дай посмотрю рану, — сказала она тихо. — Не хочу, чтоб ты сдох от заразы, пока твои кулаки нам нужны.

Братила нехотя отвернулся от огня, обнажая глубокую царапину на плече. Айка аккуратно промыла рану водой из фляги, смешанной с какой-то горькой настойкой. Братила даже не дрогнул, но я видел, как его челюсти сжались. Она обработала рану, смазала зелёной мазью из своей склянки и перевязала чистой тканью. Братила кивнул, почти уважи-

тельно.

Лис возился с самострелом. Разобрал, протёр, проверил тетиву. Бормотал: «Не подведи, малыш».

Я спросил, обращаясь ко всем и ни к кому конкретно.

— Итак. Что дальше?

Братила поднял тяжёлый взгляд.

— Искать того, кто Червону перстень сунул. Найти — кости раскрошить.

— А как искать-то, хе-хе? — голос Лиса был хриплым от недосыпа. — По всему городу пойдём, с перстнем в кармане? Нас опричники в клочья порвут, как ту падаль... Эй! Люди! Никто перстенёк не обронил?!

— Айка? — Я продолжил водить оселком по лезвию. — Ты что думаешь?

Айка, сидевшая у стены и обнявшая колени, поджала губы. Её взгляд уставился в потолок.

— Можно поискать следы Червона. Откуда он пришёл в таверну. С кем был конфликт, раз его отравили. — Пауза, взгляд в сторону. — Ещё можно прибегнуть к помощи говорящих с Духами и Зорей. Они шепчут загадками, но иногда это помогает.

Я кивнул. Она мыслит, как следопыт. Цепляется за ниточку. Видит несколько возможностей. Лис фыркнул.

— Ну да, ну да, спросим у первого встречного: «Извините, а где тут у вас фанатики, травящие ветеранов, собираются?» Хе-хе. Мне кажется, единственный яд, который мы найдём,

будет в чашке, что Горисвет нам лично поднесёт.

Он, по-своему прав. Толпой мы — мишень. А поодиночке — приманка. Пусть болото и городская старуха проверят, на что клюнет невидимый противник.

Я вложил нож в ножны за поясом и поднялся. Лиса одного не оставить — сбежит. С Айкой тоже рискованно — узнают её, он не защитит. Пусть бугай присмотрит за хмырем.

— Толпой мы привлечём лишнее внимание. Разделимся. Надо поискать в Заречье.

Братила перестал возиться с ремнём, Лис встревоженно привстал на локте, а Айка наконец оторвала взгляд от потолка, уставившись на меня.

— Братила, ты с Лисом, — я ткнул пальцем в сторону гривца. — Присмотри за его языком. Он нам ещё может понадобиться.

Пусть бугай с хмырём потревожат болото — может, всплывёт что. А мы с полукровкой проверим городские слухи. Две приманки, два крючка. Морочь хмыкнул, сжав кулак. Лис побледнел и сгорбился, будто от удара.

— А мы? — тихо спросила Айка.

— Ты со мной, — её идея прибегнуть к помощи городской сумасшедшей была сомнительна, но любопытна. — Наведаемся к Вешке Травнице.

— А мы куда, я вас не слушал? — просипел Лис, целясь в крысу из самострела.

— В Заречье. По следам той жёлтой глины. Узнайте, что

там делал Червон.

Я надел плащ, проверил ножи. Хороший нож — лучший друг в любом путешествии. Айка завязала свои косы в хвост, спрятала под куртку амулет. Видел, как она нервно кусает губу — привычка, когда волнуется.

Братила подтянул ремень, на который был подвешен массивный молоток - не оружие, а инструмент кузнеца. Но в его руках любой инструмент становился оружием.

Солнце, наконец-то, опомнилось и начало греть, когда мы дошли до реки. Переправа через Змеевицу заняла вечность. Река в этот час была похожа на густой дёготь. Вокруг плавали остатки нечистот и клочья тумана. Лодка старого перевозчика скрипела под весом Братилы так, словно собиралась сдаться и упокоить нас всех на илистом дне. Заречье встретило нас чавканьем грязи и запахом мокрой глины. Это был район тех, кто не поместился в Ржавце: гончаров, кожевников и тех, кто прятался от света. Дома здесь стояли на высоких сваях, вбитых прямо в зыбкую почву. Казалось, что они вот-вот пустятся в пляс на своих тонких куриных ножках.

— Не люблю я это место, — прошептала Айка, плотнее запахивая плащ. — Здесь земля живая. Она помнит тех, кого в ней прикопали.

— Глина ничего не помнит, — отозвался я, чувствуя, как желтая жижа налипает на сапоги, утяжеляя каждый шаг. — Она просто фиксирует факты. Мы ищем ту самую глину, что была на сапогах Червона. Он здесь был и нам нужно к тем,

кто мог его видеть.

Утренний туман стелился по воде, скрывая гнилые сваи и покосившиеся лачуги на том берегу. Доски, брошенные кем-то поперёк жижи, выглядели как путь. Путь всегда выглядит так, будто его оставили специально для тебя. Мы шли то по доскам, то по кочкам. Каждая кочка казалась одинаковой, пока не наступишь. Одна держит, другая вздыхает, третья уходит вниз с тихим «чпок», будто целует.

Мы оставили Лиса и Братилу в переулке у старой обжёговой печи. Громила прислонился к стене, его взгляд постоянно метался по теням — день только начинался, но для него сумерки ещё дышали за каждым углом. Лис присел на корточки, выуживая из кармана обломок зеркальца, и начал старательно в него всматриваться, поправляя бороду.

— Слушай, шнырь, — Братила уставился на Лиса, стоящего перед ним как провинившийся щенок. — В болоте шаг в сторону — и хлюпь под ногой. Бди.

— Ой, хлюпь! — передразнил его Лис, но голос его предательски дрогнул. — А я слышал, там девки-лягушки водятся. Мокренькие, зелёненькие… Говорят, если поймать — исполняют одно желание. Только потом чешешься, ясное дело.

— Второе, — проигнорировал его Братила, будто разговаривая с пустотой. — Не пить воду. Кишки сгниют. Только брага или кипячёное.

— Ага, а грибы не есть, а на пенёк не садиться, а от боль-

шой тени бежать… Я знаю, знаю! Целый список! «Как не сдохнуть, гуляя с другом в болотах», хе-хе! — Лис захихикал, но смех его был нервным и липким.

— Третье. Палка длиннее страха: прощупывай перед собой, не под собой, — буркнул Братила.

— А если страха по шею — палка должна быть до неба? — пискнул Лис.

— Четвёртое. Не геройствуй — герои тонут строем, — сказал Братила, не оборачиваясь.

— Отлично! Я как раз не герой. Для тонущих — индивидуальные услуги, — закивал Лис.

— Пятое. Дыши через зубы. Страх любит открытый рот, — закончил Братила.

— А улыбка экономит воздух? Щёлк-щёлк — вдохнул, и вроде как живой… — не унимался Лис.

Братила лишь мрачно хмыкнул, разворачиваясь к узкой, едва заметной тропе, уходящей в туман. Лис, бросив последний жалобный взгляд на нас с Айкой, поплелся за ним, бормоча себе под нос: «Иду на верную смерть с говорящим валуном. Прекрасный день. Просто прекрасный».

Не успели они сделать и десяти шагов по зыбкой почве, как из зарослей болотницы, с едва слышным шелестом, выползла толстая иссиня-чёрная гадюка, преградив путь Лису. Тот замер, глаза его стали круглыми, как монеты. Из горла вырвался тонкий, задушенный писк. Братила, не меняя выражения лица, молча выхватил из-за пояса заточку и метнул

её одним резким движением. Клинок со свистом пронзил змеиную голову, пригвоздив её к земле. Хвост ещё несколько секунд бился в предсмертной агонии.

Лис отшатнулся, поскользнулся на кочке и с громким хлюпающим звуком шлёпнулся в жижу по пояс, с ужасом глядя на дёргающуюся змею. Братила, не удостоив его взглядом, вытащил нож, стряхнул кровь и брезгливо протёр лезвие о мох.

— Шестое, кабы нет, — бросил он через плечо, продолжая путь. — Болото шевелится. Ты шевелись быстрее.

— Эй, Братила! Если я утону, скажи моей сестре... — Лис вылез из трясины, отряхиваясь от жёлтой глины, — что я думаю о ней каждый день.

Болото дышало. Каждый шаг выдавливал из него стоны, как из умирающего. Лис посмотрел вниз и увидел свое отражение — но лицо было не его. Оно улыбалось зубами Братилы.

— Шевелись, — повторил морочь. — Иначе оно тебя съест.

Они брели по пояс в жиже, пытаясь отыскать хоть что-то, что связывало бы эту вонючую топь со смертью Червона. Я проводил их взглядом, пока силуэты не растворились в серой пелене. «Найдут ли что? Или станут приманкой, на которую клюнет настоящий хищник?»

— Ты их отправил на убой? — тихо спросила Айка, не глядя на меня.

— На разведку. Разница — в результате, — ответил я, отталкивая лодку от берега. — Садись.

Она села, и её спина передо мной была прямая и напряжённая, как тетива. Я понял, что она задала этот вопрос не о них.

Я повёл Айку в старую, вымирающую часть города, где древние каменные дома кренились друг к другу, словно пьяные великаны, готовые рухнуть. Айка шла сзади, её плечи были напряжены, а шаг коротким и крадущимся. Чувствовал её взгляд, впившийся в мою спину. Она озиралась. Мы шли к Вешке Травнице. Я всегда относился к бреду старухи со скепсисом, но для суеверной полукровки, возможно, в нём есть смысл. Проверим.

Наконец я остановился у низкой, покосившейся двери, с которой крупными лохмотьями свисала облупившаяся краска. Пахло здесь особым образом — густым, удушающим ароматом сушёных трав, кореньев и чего-то горького, щекочущего ноздри. Я толкнул дверь, она со скрипом поддалась.

Внутри, в полумраке, едва рассеиваемом коптящей масляной лампой, за столом, уставленным причудливыми склянками с мутными жидкостями и засушенными насекомыми, сидела худая, обтянутый кожей, женщина. Среди этого хаоса, рядом с пучком засушенного болиголова, валялся медный медальон с треснувшим пополам глазом — символ артели «Молот и Трещина». Значит, кузари и сюда захаживали. Или она к ним. Её лицо было изрезано морщинами,

словно пересохшая земля. Глаза — слишком яркие, почти горящие в темноте. Это и была Вешка Травница.

Она медленно подняла взгляд. Прямо на Айку, словно меня не было.

— Привёл щепку от сломанного древа, следопыт, — её голос был шелестом сухих листьев. — Дочь потерянной крови. Нечистая примесь.

Айка застыла на пороге, будто её ударили обухом по голове. Глаза её расширились, дыхание сбилось — я видел, как грудь вздымается чаще, пальцы впиваются в амулет. Полукровка — всегда на грани: «скверна» для людей, «примесь» для вирьев. Это жгло её, как клеймо.

— Что ты… несёшь, старуха? — вырвалось у неё, но даже в этом вызове слышалась неуверенность.

— Твоя кровь помнит то, чего ты сама не знаешь, дитятко, — Вешка не моргала, её горящий взгляд будто прожигал Айку насквозь. — В ней поют чужие леса. Плачут чужие реки. А ты глуха.

Вешка протянула костлявую руку и провела пальцем по пыльной поверхности стола, оставляя след ногтём. Взяла сухой пучок трав и бросила в жаровню. Дым поднялся густой, серый, с горечью, что вцепилась в горло. Старуха швырнула в огонь что-то темное и склизкое. Дым стал таким густым, что стены каморки растворились. Я почувствовал, как в висках застучало — старая ведьма явно баловалась вытяжкой из спорыньи или чем-то потяжелее. Первоклассный спектакль.

— Знаю, зачем пришли. Вепрь с одним клыком ищет медного ворона, — проскрежетала она, глядя в пустоту. — Воск податлив. Воск плачет!

Я едва удержался от усмешки. «Воск плачет» — дешёвая метафора для свечей в покоях какого-нибудь писаря.

— Чужая кровь кипит. Ты ищешь выход, но найдешь только разлом. — Старуха завыла. Тонко, на одной ноте.

Этот звук ввинчивался в мозг не хуже сверла. Я поморщился, прикрывая нос рукавом. Для меня это был просто вонючий дым и бред выжившей из ума бабки. Но Айка... она замерла. Её зрачки расширились, отражая искры жаровни. Она не просто слушала — она впитывала, как сухая земля воду. Каждое слово, каждую интонацию. Для неё это был не театр, а откровение.

— Ты видел? — выдохнула она, хватая меня за локоть. — Горша, там был ворон!

— Там была гарь и плохая вентиляция, — отрезал я, отпихивая её руку. — Идем. Мы теряем время.

Я зажмурился и сжал переносицу. Ну и бред городит старая. Айка замерла как та бабочка, нанизанная на булавку. Я посмотрел на неё с усмешкой, неужто «чужая кровь» уже закипела. Она снова впилась ногтями в мой локоть. Я видел, как дрожит её подбородок, как напряглись мышцы на шее.

— Замолчи, карга! — выдохнула она, но в её голосе не было силы. Она облизнула губы.

— Боишься услышать? Или боишься, что он услышит? —

старуха медленно повернула голову ко мне и показала жёлтым осколком улыбки, лишённой всякой теплоты.

Я молча наблюдал, прислонившись к косяку двери. Эксперимент вышел забавный. Маска дерзкой, уличной воровки трескалась и осыпалась, обнажая запуганную суеверную девчонку. И это знание, этот её незащищённый, животный страх, были куда ценнее любой информации. Потому что тот, кто боится, ищет защиты. И, кажется, я понял, чего она боится. Не смерти — быть чужой и у людей, и у вирьев. Мы вышли не попрощавшись. Надо было смочить горло. Холодный воздух Заречья показался мне целебным эликсиром.

После выхода из хижины Айка долго молчала. Я видел, как она кусает губу, как сжимает кулаки. Наконец она выдохнула.

— Чужая кровь... Она назвала меня «примесью».

Я не ответил.

— Ты слышал? — она схватила меня за рукав.

— Она старая карга, которая нюхает дурман, — я не стал отпихивать её руку. — Половина Вереи — полукровки. Она просто угадала.

— Нет, — Айка покачала головой. — Она видела. Моя мать... я не помню её. Но иногда мне снятся леса. Чужие. Не здешние.

Я остановился, посмотрел на неё.

— И что?

Она молчала ещё пару улиц.

— Ты зря смеешься, — Айка едва поспевала за моим широким шагом. — Говорящие с Духами и Зорёй видят то, что скрыто.

— Допустим, — я не замедлялся. — И к чему были эти её зверушки? Вепрь, ворон?

— Вепрь… это же шлем Червона, на нём был вепрь… — она бормотала, водя пальцем по воздуху. — А ворон… ворон… Боги, да ведь это же флюгер! На Каменном холме! Червон что-то искал в доме князя! И воск! Он искал при свечах!

— Воск — это медовуха, — рявкнул я. — Бабка спятила ещё до твоего рождения, а ты уши развесила. «Вепрь», «ворон» ... В Верее на каждом втором столбе нарисована какая-нибудь скотина. Молчи, пока я не исполню пророчество и не выпью медовухи.

Я шёл, а в голове, словно наковальня, стучало: «Вепрь с одним клыком». Червон. «Медный ворон». Вышеславский. Старуха нарисовала прямую линию между трупом в кабаке и княжеским особняком. Не люблю прямые линии. Они не встречаются в природе. Их всегда кто-то проводит.

Глава 6. Поиски.

Надежда —это компас, который чаще всего указывает на ближайший обрыв.

Туман над Змеевицей рассеялся, обнажив город в его будничном уродстве. Бледное солнце не грело, а лишь подсвечивало грязь на мостовых, жирные разводы на стенах, усталость на лицах прохожих. Я стоял в арке, соединявшей Прядильный переулок с набережной, и чувствовал, как медленно закипаю. Не от ярости — от бессилия.

— Лис с Братилой — в Заречье, — сказал я, не оборачиваясь. — Нам нужно проверить места, где бывал Червон. И посмотреть, кто ещё может за нами следить.

Айка кивнула, не отвечая. В её глазах всё ещё плясали отблески того безумного взора, которым Вешка Травница пронзила её душу. Старуха умела видеть боль. Боль, которую человек сам себе запрещает признавать.

Город жил своим обычным ритмом: кузнецы колотили по раскалённому железу, торговцы орали о свежей селёдке, вирьи хихикали в тени арок. И всё же утро обычным не было. Я ощущал спиной, каждым волоском на затылке — за нами следят.

Мы с Айкой провели утро, наблюдая издалека за опричниками. Это была выматывающая пляска в тени. Приходилось прятаться за углами амбаров, замирать среди толпы у

рыбных рядов, притворяясь покупателями, наблюдать, как черные плащи методично, дом за домом, прочесывают район вокруг «У трёх углей». Ярополк не шутил. Он загонял зверя. И зверем, по всем городским слухам, была хрупкая полукровка с косичками.

Опричники хватали за шиворот похожих девчонок. Грубо поворачивали их лица к свету, сверяли с листовкой и, выругавшись, отталкивали прочь. Каждый такой эпизод заставлял Айку непроизвольно вздрагивать. Её дыхание становилось прерывистым, пальцы впивались в мой плащ.

Мы бродили полдня. Айка молчала. Губы сжаты в тонкую, бескровную линию. Она шла за мной на расстоянии вытянутой руки, словно боясь, что я в любой момент рвану её за шиворот к опричникам.

После третьего часа бесплодного наблюдения, когда ноги отзывались тупой болью, а в горле стоял ком от пыли и напряженного молчания, я наклонился к её уху.

— Так ничего не узнаем. Делимся. Ты пополни свои запасы трав и еды. Я вернусь к таверне. Осмотрю место без этой чёрной тучи. Поговорю с теми, кто боится говорить при стражниках.

Айка посмотрела на меня так, будто я предложил ей прыгнуть с крыши.

— Одной? Меня ищет весь город.

— Тем более. Вдвоём мы слишком заметны.

Она сжала губы, но кивнула.

— Где встретимся?

Я подумал. Улицы небезопасны, особенно если долго торчать на одном месте. На ум пришло место, достаточно безлюдное и в то же время не вызывающее подозрений у случайного патруля.

— Старая пристань у мельницы. Той, что сгорела пару зим назад. Если я задержусь — не жди до темноты. Уходи.

Она ещё раз кивнула, скользнула вдоль стены и растворилась в полумраке переулка, словно её и не было. Я постоял минуту, прислушиваясь к отдающимся эхом крикам оприч-

ников, и направился обратно, к таверне.

Я поплёлся окольными, пыльными путями. Десять зим в разведке научили меня: глаза обмануть легче ушей. Шорох шагов по гравию, звон монет в кармане — эти звуки выдают тебя задолго до того, как тебя увидят. Я привычно сгибался в коленях, делая шаги короче и тише, будто крался к вражескому лагерю.

По пути пытался смотреть на город глазами не преследуемого, а охотника. Где слабое звено? Кто видел что-то, но промолчал из страха перед стражей? Кому выгодно было убить ветерана с княжеским перстнем? Вопросы вертелись, как осенние листья в воронке.

Я вышел на площадь перед таверной. У входа, прислонившись к бочке, стоял уличный торговец сбитнем. Его тележка, небольшая, на двух колесах, блестела свежей краской. На ней аккуратно были расставлены медные кружки, горела маленькая жаровня, подогревающая котелок, откуда валил густой, пряный пар. Запах корицы и имбиря на мгновение перебил городские запахи.

Я остановился, делая вид, что разминаю затекшую ногу. К торговцу подошли двое опричников — не те, что рыскали по переулкам, а другие, из канцелярии, с пергаментами и озабоченными лицами. Они о чём-то спросили. Торговец оживился, начал активно жестикулировать, кивать в сторону двери таверны.

Это был плотный мужчина зим под сорок, с густой боро-

дой, заплетённой в косички по моде кузарей. Его рубаха из грубого льна выглядела неестественно белой для уличного торговца. Никаких пятен от сбитня, ни одного потёртого места. На поясе висел кошелёк с тонкой вышивкой — слишком дорогой для простого ремесленника.

Я примостился у стены, в тени кованой вывески, стал слушать.

— …да я ж говорю, господа хорошие, — голос у торговца был громкий, пропитанный ложной уверенностью деревенского рассказчика. — Как сейчас помню! Сидел он, сердешный, у стены, кружку свою допивал. А эта… эдакая, знаете, вирьевской крови, с косичками — подошла, зашептала что-то, присела рядом. И вижу я — ручка у неё белая, тонкая, мелькнула над чаркой будто… Ну, я думал, ладно, девица заигрывает. А она, глядь, щепотку какую-то, с краю ладони — раз! И в брагу ему. Да так ловко, что он и не заметил. Я-то издалека, но глаза, слава Зоре, как у молодого! Потом она встала, отошла, а он… ну, вы знаете.

Опричник что-то записал на пергаменте, кивнул.

— И опиши еще раз, как она выглядела.

— Да уж опишу! — торговец отёр пот со лба вышитым платком и расписал «воришку» в подробностях, совпадающих с листовкой: и косички, и раскосые глаза, и кожаный корсет — Росту чуть выше среднего, скулы высокие, вирьевские, но глаза карие. Волосы в косичках, штук двадцать, не меньше. На шее — серебряный амулет. Одета в коричневую

юбку и кожаный корсет, вышитый чёрной нитью. Я бы узнал её в любой толпе, — торговец кивнул уверенно. — Она ещё улыбнулась мне, когда выходила. Думал, добрая девочка, а она — убийца!.

— Она где-то здесь. Вороватая сука. Нам нужно найти её. Увидишь или услышишь что — бегом к нам.

Другой опричник, молодой, с холодными голубыми глазами, кивнул.

— Она не уйдёт далеко.

Опричник что-то чиркнул на свитке и убрал его в сумку. Другие стражники кивали, запоминая детали. Я медленно сжал кулаки. Описание было слишком точным. Она действительно была с Червоном, но подсыпала ли яд? Я видел каждое её движение — нет. Почему этот торгаш так уверенно чешет?

Опричники, получив показания, ушли. Торговец, проводив их самодовольным взглядом, обернулся к своей тележке.

И тут я заметил то, что раньше ускользало. Поведение. Опричники отошли, площадь вновь зашумела голосами, пошли люди. Но торговец не зазывал покупателей. Он не расхваливал достоинства своего сбитня, не звенел кружками. Просто стоял, нервно потирая руки, его взгляд бегал по площади, но не в поисках клиента, а будто выискивая что-то… или кого-то.

Тележка новая. Оборудование — все было чистым. У настоящего уличного торговца, который стоит на площади день

за днем, всё покрыто патиной времени, копотью, мелкими сколами. У этого же — будто он вчера впервые выкатился на улицы.

Я отошёл от стены и стал наблюдать за телегой со стороны. Чем дольше я смотрел, тем больше несоответствий находил. Дерево телеги ещё не потемнело от времени и погоды. На колёсах — свежие следы от топора, их точили совсем недавно. Бочка со сбитнём — тоже без царапин и следов копоти на днище. Кружки висят ровным рядом.

Даже дрова в жаровне были ровными, аккуратными поленьями — не та щепа, которую собирают уличные торгаши. И главное — после ухода опричников он никого не подзывал. Он просто сидел на табурете, попивая сбитень из собственной чарки, и поглядывал на вход в таверну. Чистый фартук.

Я ухмыльнулся. Ложный свидетель. Подстава грубая, но эффективная. Такой нуженбыл, чтобы официально, на пергаменте, закрыть дело. Чтобы у Горисвета было «неопровержимое» основание пытать и казнить.

С одной стороны, эта информация была опасна. Показания запротоколированы. Теперь для опричников Айка была не просто подозреваемой, а уличённой на глазах у свидетеля убийцей. С другой, это была зацепка. Грубая нить, ведущая к тому, кто организовал этот спектакль.

Нужно было проверить. Я осмотрелся и заметил пару уличных оборванцев, копошившихся у водостока в поисках чего-нибудь ценного.

— Эй, паучок!. Торговец сбитнем этот, — я кивнул в сторону лотка, — давно тут стоит?

Оборванец, быстро спрятав монету, брошенную мной, скривился в подобии улыбки.

— Этот-то, дядь? Да он как гриб после дождя вырос. Недавно. Раньше тут старик Веслав торговал, да того крыса куснула, загноилась нога, помер. А этот выкатился за пару лун до того, как солдата в таверне укокошили.

Второй оборванец, помладше, просунул голову.

— И не торгует он нихрена! Стоит, зенки пялит. Я у него вчера медяк украл — так он и не заметил! Не торговец, а пугало огородное.

Я кивнул, сунул им еще по медяшке.

— Молчите об этом. Для вашего же блага.

Отошел, сердце билось ровно и тяжело. Подтверждение. Фальшивка. Значит, дело было не в Айке. Её выбрали. Но почему именно её? Потому что она была рядом? Или потому что она — полукровка, чужак, на которого легко повесить любую грязь?

Мысли путались. Я провел остаток дня, беседуя с соседями по площади, с разносчиком, таскающим уголь. Ответы были уклончивыми, полными безразличия.

Подошёл к кузнецу, работавшему напротив таверны. Тот бил молотом по раскалённому железу, не глядя на меня.

— Видел что-нибудь в день смерти солдата?

Кузнец ударил сильнее. Искры взлетели.

— Ничего.

— Уверен?

Он поднял глаза. В них не было страха. Была усталость.

— Слушай, странник. Я тут живу. У меня семья. Дети. Я ничего не видел. Понял?

Я понял. Верея умела закрывать глаза.

Сумерки сгущались, окрашивая небо в грязно-лиловые тона, когда я добрался до сгоревшей мельницы. Тени удлинились, превратившись в чёрные щупальца, тянущиеся к моим ногам. Город менялся: дневная суета сменилась вечерней опасностью. Каркас постройки чернел на фоне темнеющей воды Змеевицы, как ребра мертвого великана. Воздух пах тиной. Я осторожно пролез через пролом в стене и замер в тени, привыкая к темноте. Внутри было тихо, лишь вода чуть плескалась о сваи, да скрипела обгоревшая балка на ветру.

— Я здесь.

Голос раздался прямо надо мной. Я вздрогнул, рука сама потянулась к ножу. Айка сидела на уцелевшей потолочной балке, свесив ноги. Она спрыгнула вниз беззвучно, лишь чуть хрустнул под ногой пепел.

— Ну?

Она была бледнее обычного. Достала из-за пазухи смятую листовку.

— Их расклеили по всему городу, — голос её дрожал. — За мою голову — пятьдесят серебряников. Живой или мёртвой.

Я взял листок. Рисунок был грубым, но узнаваемым. «Воровка. Кличется Айкой. Убийца ветерана Червона, героя Вечной. Награда».

— Пятьдесят серебряников, — повторила она. — Это больше, чем зарабатывает кузнец за год. Меня продаст кто угодно.

Я рассказал ей про торговца. Следил, как по мере рассказа её лицо искажалось — сначала недоверием, потом страхом, а в конце — холодной, бессильной яростью. Каждая эмоция была как отчётливый узел на той верёвке, которой её душили.

— Подсыпала порошок? Я? Да я даже не касалась его чарки! Только кошель...

— Знаю. Но описание точное. И он «всё видел». Кстати, появился он за несколько лун до убийства.

Она сжала кулаки.

— Кто-то хочет меня утопить. У меня алиби нет — я была рядом. Воровала. Если схватят — конец.

— Улики указывают на тебя, — сказал я тихо. — Прямой свидетель. Протоколы.

Она вскинулась.

— Ты веришь ему?

— Нет. Но доказать, что ты невиновна, ты не сможешь.

Она молчала, глядя на темную воду.

— Я голодна, — наконец сказала она просто.

— И я.

Айка кивнула и жестом показала следовать за ней. Повела меня лабиринтом узких улочек, где вечернее солнце уже не могло достать, лишь бледный свет проникал между крышами. Мы шли всё глубже в район Сумяти — притон воров, проституток и беглых крепостных. Здесь каждый дом был похож на соседа — обшарпанный и с выбитыми окнами.

Мы крались по опустевшим переулкам, петляя, возвращаясь на старые пути, пока не остановились у неприметной калитки в глухом заборе. Айка достала ключ-скобу, отперла. Мы оказались в крошечном дворике-колодце, заставленном дровами. В дальнем углу, под навесом, притулилась низкая дверь в подвал. Это было одно из её убежищ.

— Входи, — сказала она, зажигая кремнём лучину.

Внутри было темно, но относительно чисто. В углу стояла кровать из досок, покрытая одеялом. На столе — глиняные горшки с водой, мешок с сухарями, тарелка с вяленым мясом. На полках стояли склянки, сушеные коренья, мотки бечевки, инструменты для вскрытия замков.

На краю стола стояла треснувшая кружка, а в ней — засохший цветок, когда-то белый. Его не выбросили, не заменили, не превратили в труху. Он стоял здесь намеренно, как упрямое напоминание о том, что красота вообще возможна. В этом подвале, где всё было либо полезным, либо опасным, цветок выглядел самой странной вещью.

— Моё... убежище, — сказала Айка, ставя лучину в держатель. — Я здесь живу, когда город становится опасен.

— Ты часто здесь бываешь? — спросил я, осматриваясь.

— Достаточно. — Она отвернулась, разжигая маленький костёр в каменной нише.

— Садись.

Я снял плащ, сел на табурет и с наслаждением размял онемевшие плечи. Наблюдал, как она двигается по своему логову — уверенно, экономно, без лишних движений. Здесь она была хозяйкой, её страх отступал, уступая место сосредоточенности. Айка начала готовить незамысловатый ужин.

Мы ели молча, под треск огня. Похлёбка была горячей и безвкусной, но она разгоняла внутренний холод, заставляя тело расслабиться. Я почувствовал, как тяжесть медленно сползает с плеч. Айка, сидевшая напротив, перестала съёживаться, её плечи опустились.

Она долго смотрела, как я допиваю чай, будто решая, стоит ли задавать вопрос. Потом резко отставила чашку.

— Зачем ты это делаешь, Горша? — спросила она тихо. — Ты мог сдать меня опричникам. Получил бы благодарность, может, даже награду. Или просто уйти. Зачем ввязываться? Из-за обещания Мавре? Из-за долга чести перед громилой? Это всё слова.

Я долго молчал, крутя в пальцах пустую кружку. Война научила не открываться. Но эта комната, этот огонь, эта тишина — всё было похоже на редкие минуты затишья на передовой, когда можно было говорить правду, потому что завтра тебя могло не стать...

— Потому что я знаю, что значит быть обвинённым в том, чего не совершал, — ответил я. — И потому что знаю, что значит быть одним против всех.

Она кивнула. Её пальцы на мгновение коснулись моей руки, потом отдернулись.

— Искупление? Или просто не хочешь быть один?

— Может, и то, и другое.

Я помолчал, глядя в огонь. Пламя отбрасывало тени на её лицо, делая его то мягким, то жёстким. Вспомнился Червон

в таверне — его остекленевшие глаза, синие губы. Вспомнилась деревня, где я не смог спасти невинных.

— В Диколесье, — начал я, — была деревня. Маленькая, никому не нужная. Нас отправили туда, чтобы выкурить партизан. Мы окружили её на рассвете. Ждали приказа.

Я замолчал, сжимая кулаки. Пальцы помнили вес топора. Глаза — бегущих детей.

— Пришёл приказ: поджечь дома. Говорили, что в подвалах прячутся повстанцы. Но когда пламя разгорелось... из домов начали выбегать люди. Не солдаты. Женщины. Старухи. Дети.

Я замолчал, чувствуя, как внутри ворочается старый, холодный пепел. Мой взгляд невольно упал на край стола, где в треснувшей кружке стоял мертвый, серый цветок. Такой же неподвижный и сухой, как всё, что осталось от той деревни. Тишина в подвале стала давить на уши, как вода на глубине.

— Я не могу забыть глаза той девочки. Она не плакала. Она смотрела на меня, будто пыталась понять, как такое возможно. А потом… потом просто закрыла глаза, когда загорелась солома. Я мог ослушаться. Мог зарезать командира. Мог просто уйти и повеситься на первом суку. Но я выбрал выполнить приказ. Чтобы выжить. Чтобы не быть дезертиром, трусом. Самый подлый выбор в моей жизни.

Он посмотрел на Айку. Она сидела, не шелохнувшись, впитывая каждое слово.

— Ты спрашиваешь, зачем. Потому что когда я увидел,

как опричники хотят тебя, просто так, без суда, на основании лживого свидетельства, запихнуть в Дом Камня… Я увидел ту девочку. И подумал: один раз я выбрал сторону приказа, системы. С тех пор каждую ночь её глаза меня находят. Второй раз я, может, выберу другую сторону. Не из благородства. Из… отвращения. К себе... Помогая тебе, я, возможно, пытаюсь отмыть руки. И заткнуть рот той малявке в моей голове. Глупо, да?

Айка долго смотрела на меня. В её глазах не было жалости. Я оценил. Ненавижу жалость. Был холодный, аналитический интерес.

— Не глупо, — наконец сказала она. — Просто человечно.

В ответ я только хрипло рассмеялся. Человечно. В ту ночь под Диколесьем тоже кто-то кричал что-то человечное. А потом замолк.

— Спи, — буркнул я, отворачиваясь к стене.

Мы устроились на ночлег. Айка заняла койку, я лёг на полу, на охапке старого сена, накрывшись плащом. Темнота была абсолютной, лишь слабый отблеск угасающих углей рисовал на стене причудливые тени. Я долго не мог заснуть, прислушиваясь к ровному дыханию Айки. Думал о Братиле и Лисе в болотах, о двухголовой змее на перстне, о княжеских интригах. Потом мысли вернулись к рассказу торговца. Аккуратная ложь. Сон, когда он наконец пришел, был тревожным и прерывистым.

Утро наступило бледное и туманное. Айка уже не спала, сидя у погасшего очага.

— Проснулся, — сказала она без вопросительной интонации. — Я принесла умыться.

Я протёр лицо холодной водой.

— Ещё кое-что, — сказала Айка, подавая мне кусок хлеба с вяленым мясом. — Когда я следила за опричниками, один из них говорил о Мавре. Не просто упоминал — говорил о ней с уважением. Это странно. Мавра — просто баба с кружками. С чего это опричники её уважают?

Я нахмурился. Это действительно было странно. Мавра, конечно, была хозяйкой популярной таверны, но её связи с властью никогда не были тесными.

Мы вышли в переулок, когда город только начинал просыпаться. Туман стелился над мостовой, скрадывая звуки шагов. Мы двигались осторожно, прячась в тени, пока не добрались до «У трёх углей». Я шёл рядом с Айкой, и между нами висела та же тишина, что и в комнате над таверной, но теперь она была плотнее. В таверне было пустынно и неприбранно. Мавра сидела за стойкой, одинокая и мрачная, как памятник самой себе. Она чистила чарки тряпкой. Движения были резкими, злыми.

Увидев нас, она не удивилась, лишь кивнула в сторону дальнего стола, подальше от окон.

— Ждала. Чайку?

— Медовухи, — сказал я, садясь на лавку.

Айка пристроилась рядом, съежившись. Натянула капюшон ещё ниже. Мавра принесла блюдо с жареным мясом, кувшин и две чарки. Опустилась напротив. Её лицо, обычно румяное и насмешливое, было серым от усталости.

— Приходили опричники, — Мавра понизила голос. — Один сказал: «Хозяйка, не чеши языком. Это дело хозяина города».

— Хозяина? — переспросил я.

Мавра криво усмехнулась.

— А у Вереи разве много хозяев, голубчик?

Мы молча принялись за еду.

Глава 7. Хор живых.

Добро всегда в долг. Зло — по предоплате.

Город никогда не спит — он лишь притворяется мёртвым, пока ждёт, когда его обитатели уснут первыми. И тогда он начинает шептать свои тайны тем, кто слишком долго смотрит в темноту. Мы с Айкой покинули «У трёх углей» с чувством, что нас провожают чужие глаза. Слова Мавры о «хозяине города» саднили в памяти, как свежий ожог.

Змеедержец — прозвище князя. Ворон из видения Вешки и ворон на флюгере над княжеским особняком. Связь между убийством и перстнем из двух сплетённых змей казалась мне очевидной, но опасной, как лезвие без рукояти.

— Что теперь? — тихо спросила Айка, шагая рядом со мной.

Её голос был напряжённым, как натянутая тетива. Я видел, как она то и дело касалась амулета на шее, словно искала защиты.

— Ждём Братилу и Лиса, — ответил я, не глядя на неё. — В амбаре. И надеемся, что Лис не уговорил Братилу разграбить какой-нибудь монастырь по пути.

Она усмехнулась, но улыбка не достигла глаз.

— Братила-то как раз тот человек, который скорее сам предложит разграбить монастырь, если это поможет найти убийцу.

— Да, — согласился я. — Прямолинейность — его главное оружие. И главная слабость.

Мы зашли на рынок «Тысяча Лжи» на закате, надо было пополнить запасы. Здесь сновали последние торговки, сбрасывая с прилавков то, что не продали днём. Запах специй бил в нос.

Айка остановилась у лавки со снедью. Прежде чем она заговорила, я обвёл взглядом окрестности: слепой нищий у колодца замер, почесывая щеку. Торговка рыбой резко отвернулась, будто делая вид, что не смотрит в нашу сторону. В проёме между лавками мелькнула чёрная пола плаща — не опричника, а такого же серого городского хищника, как мы. Мир вокруг не просто существовал — он наблюдал.

— Подожди, — сказала она, глядя на прилавок. — У нас нет даже сухарей в амбаре. Если мы не хотим подохнуть с голоду, надо запастись.

Я последовал за ней к прилавку, где седобородый торговец убирал в корзину товары. Встал так, чтобы спиной прикрыть Айку и видеть оба выхода с рынка. Старая привычка: искать в толпе не лица, а контуры — прямые плечи под плащом, неестественную походку, руку, замершую у пояса.

— Три ломтя баранины, — указала она на кусок мяса. — Не той, что лежала на солнце весь день. Вон той, что в тени.

Торговец усмехнулся, но уважительно кивнул.

— Зоркий глаз у тебя, девушка. Пять ногат.

— Три, — твёрдо сказала Айка. — И пучок укропа.

Скоро у неё в руках был узел с бараниной, луком, капустой, ржаным хлебом и куском сала, завёрнутым в тряпицу. Она торговалась как фурия.

— Учись, солдат, — сказала она, передавая мне узел. Её холодные пальцы на мгновение коснулись моих. — Хорошая еда нужна даже нашему отряду.

Я молча кивнул. Она была права. На пустой желудок думается только о еде. А нам нужно было думать о том, как не быть пойманными. По пути к амбару она нагнулась у лотка старой вирьи, торгующей пучками трав.

— Мята, черноцвет — сказала Айка, протягивая монеты. — Тревогу из головы надо выгнать.

Вирья кивнула, её серебряные колокольчики звякнули. Айка сунула пучки трав в мешочек на поясе. Её движения были плавными, но я видел, как её взгляд метнулся по сторонам, на толпу.

Мы шли дальше, прячась в тенях. Айка двигалась легко, почти невесомо, как тень, которая научилась ходить без хозяина. Иногда она останавливалась, прислушиваясь, и я ловил себя на мысли, что завидую этому её чутью. Десять зим в дозоре научили меня многому, но уличная хитрость, врождённая способность чувствовать опасность за углом — это не то, что можно получить в военном лагере. Это даруется улицей тому, кто выживает на ней с детства.

Шли молча. Выйдя с рынка, я уже трижды ловил на себе чужие взгляды. Не праздное любопытство горожан — при-

цельный, скользящий, быстрый взгляд, который тут же отводился. Как будто нас отмечали в толпе. Айка шла, не меняя ритма, но её плечи были чуть более скруглёнными, голова втянута — поза улицы, поза того, кто спешит.

Я не мог отделаться от ощущения, что за нами наблюдают. Она чувствовала то же самое, но не подавала вида. Мы были двумя дикими зверями в одной стае, молчаливо признавшими присутствие охотника.

Мне показалось — всего на миг, — что кто-то идёт в том же ритме, что и мы. Не шаги. Пауза между ними. Я остановился — и пауза остановилась тоже.

Обернулся. Никого. Только лавки, тени и дохлый голубь у водостока. Пустота была слишком правильной. Я почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом. Это не случайный вор и не любопытный обыватель. Тот, кто шел за нами, умел растворяться в городском шуме так же, как я когда-то растворялся в лесах под Ольховкой. Он не просто следил — он загонял нас, проверяя, насколько быстро мы придем к своему логову. Я покрепче перехватил узел с продуктами, чувствуя, как под пальцами хрустит хлеб

— Что? — спросила Айка.

— Ничего, — сказал я. И это была ложь, от которой во рту стало сухо.

Но мое тело помнило то, чего не видел разум. Между лопаток потянуло холодом — там, где ударил бы арбалетный болт, если бы за нами следили.

Когда мы подошли к амбару, она вдруг остановилась, положив руку на моё предплечье. Её прикосновение было лёгким, но ощутилось как удар током.

— Слушай, Горша, — её голос стал тише, почти шёпот. — Ты так серьёзно всё воспринимаешь. Как будто на тебе весь мир держится. А кто держит тебя?

Я хотел ответить сразу — и не смог. Это разозлило. Не на неё злость — на себя. Я ненавидел вопросы, на которые не было чёткого, строевого ответа. Айка не обернулась. Она уже знала, что попала.

Посмотрел на неё, поднимающуюся по ступеням. В амбаре пахло дымом, сеном и старой кожей — запахи, которые стали для меня почти родными. Ночь была тёплая, но ветер с реки в щелях свистел, как недовольный сторож. Мы уже знали: здесь можно спрятаться и перевести дух. На грубых досках лежали старые парусины, рядом — перевёрнутые ящики, на которых мы садились у костра.

Я вошёл внутрь, проверяя тени. Амбар был пуст. Я уже собирался выдохнуть, когда заметил: одна из парусин была сдвинута. Совсем немного. Не так, как мы оставляли утром. Я не стал говорить Айке. Пока. В углу всё ещё тлел костёр, оставленный нами утром. Теперь он почти потух. Возле него валялись объедки и пустая фляга Лиса. Я кинул в огонь несколько сухих дров из кучи у стены. Пламя вспыхнуло ярче, отбрасывая дрожащие тени на стены.

Айка достала купленные продукты, разложила их на чи-

стой тряпице. Движения её были экономными, без суеты. Потом подняла на меня взгляд.

Я сел на перевернутый ящик и достал нож. Звук точильного камня, вгрызающегося в сталь, разносился под стропилами, мерный и раздражающий. Вжик. Вжик. Вжик.

— Хватит, Горша, — Айка стояла у узкого окна, глядя на улицу. — От этого звука зубы сводит. Ты его скоро в иголку сотрешь.

— Когда придут те, кто нас ищет, я хочу, чтобы эта «иголка» входила в мясо без сопротивления, — не оборачиваясь, ответил я.

Снаружи город жил. Далекий лай собак, скрип несмазанных тележных колес, пьяный выкрик где-то на окраине — каждый звук заставлял меня внутренне подбираться. Город словно присматривался к нам, выжидая, когда мы совершим ошибку. Ожидание было физически тяжелым, оно липло к коже, как мокрая рубаха. Айка на секунду замерла, будто прислушалась.

— Слышишь? — спросила она.

Я слышал только уличный гомон.

— Ты сегодня весь каменный, Горша, — сказала она тихо. — Нравится быть Домом Камня?

— Дом Камня не сомневается, — ответил я. — А мне нравится сомневаться. Значит, я пока человек.

Её губы дёрнулись.

— Человек. — Она повторила это слово так, будто пробо-

вала на вкус. — Ты очень хочешь быть человеком.

Я пожал плечами, но она не отставала. Её вопросы были как прутья, которыми лесник тычет в капкан браконьера. Она села на ящик напротив, сняла сапог и стала растирать мозоль на пятке. Она делала это медленно, почти вызывающе, глядя на меня снизу вверх сквозь упавшую на лицо прядь. В этом жесте было излишне много жизни для нашего мёртвого амбара. Она словно проверяла мою выдержку — сорвусь ли я на грубость, отведу ли взгляд или, наоборот, позволю себе смотреть дольше, чем положено.

— На войне что было самым страшным? — спросила она, прищурившись. — Не смерть. Что-то другое.

Тишина. Где-то скрипнула балка.

— Тишина, — вырвалось у меня само, против воли. — Ждёшь, когда они пойдут в атаку. Или не пойдут. Вот это ожидание… оно выедает душу.

Она подняла на меня глаза. В них не было жалости — было понимание. Как у зверя, который тоже знает, что такое затаиться и ждать смерти.

— А здесь, в городе, тишины нет. Она внутри, — сказала она. — Ты всё ещё ждёшь атаки. Когда ты дашь себе команду «отставить»?

Мне нечего было ответить. Потому что она была права. Команды «отставить» не было. Была только «держать строй», даже если строй давно разбежался, и ты один в грязи.

Айка сняла второй сапог и сказала, будто между делом.

— Если они не вернутся…

— Вернутся, — оборвал я.

Она прищурилась.

— Ты так уверен?

— Лис слишком труслив, чтобы умереть честно, — сказал я. — А Братила слишком туп, чтобы умереть вовремя. Вместе они бессмертны.

Айка хмыкнула, но в этом смешке было облегчение. Ей тоже нужны были опоры. Даже такие, как эти двое. Прошёл ещё час или два — в амбаре время тянулось, как каша.

— Тише едешь, — вдруг сказала она, не глядя на меня, переплетая косички, — дальше будешь. Это правда, да?

Я не поднял головы.

— Правда. Особенно если едешь по дороге, усеянной трупами тех, кто торопился. Или по болоту.

— А мы по какому пути едем?

— По болоту, усеянному трупами, — парировал я, поднося клинок к слабому свету. Сталь была чистой.

Мы разговорились о мелочах — о том, какие улицы безопаснее ночью, о том, как лучше воровать кошельки (она рассказывала с профессиональным азартом), о том, где в городе самые дешёвые, но приличные портные. Разговор был лёгким, почти дружеским, но я чувствовал, что она всё ещё напряжена. За каждым моим словом она искала скрытый смысл, за каждой улыбкой — обман.

— А ты когда-нибудь любил? — внезапно спросила она,

глядя на костёр.

Я фыркнул.

— На войне я любил только одно — высыпаться. Но получалось редко.

— А до войны? Когда ты был мальчишкой в Ржавце?

Я замолчал. Воспоминания всплыли, как пузыри на болотной глади. Лицо с веснушками. Смех, который не перекрывал грохот молота.

— Была одна, — наконец сказал я. — Но это было давно. И глупо.

— Глупо любить?

— Глупо думать, что в этом городе любовь может что-то изменить.

Айка усмехнулась, наклонив голову набок, так что одна косичка упала на плечо. Она медленно, почти небрежно, накрутила её на палец.

— Возможно, — сказала она тихо. Её карие с янтарём глаза в свете костра казались бездонными. — Но иногда глупость — это единственное, что остаётся умным людям.

Разговор прервал звук — тяжёлое шарканье и визгливый, прерывистый поток брани. Знакомые голоса. Я медленно вложил нож в ножны за поясом. Айка замерла, как лань, уловившая запах собачьей своры.

Дверь амбара скрипнула, и в проёме показалась тень Братилы — массивная, как гора, с широкими плечами, которые едва помещались в дверном косяке. За ним, прижимаясь к

стене, пролез Лис. Он выглядел помятым, но его глаза-щелочки так и лучились наглым, вороватым задором. Его одежда была грязной и мокрой, будто он полз по болоту на животе. Братила вошёл, отбросив с плеча мешок, который с грохотом упал на пол. В мешке что-то звякнуло — то ли бутылки, то ли кости.

— Нихрена! — Братила хлопнул себя по бёдрам, с него посыпались комья жёлтой глины. — Верея — город говна и лжи. А Заречье — её задворки!

— Ничего особенного в Заречье, — подхватил Лис, и в его голосе слышалась та самая лёгкая насмешка, которой он пытался прикрыть неловкость. — Крестьяне, курицы. И кости.

Айка улыбнулась так, будто это было смешно, и наклонилась вперёд, чтобы показать, что слушает.

— Расскажете? — Спросила она, поднимаясь и стряхивая с юбки солому.

— Мы шли по тропе, — начал Братила, — и спрашивали про Червона. Я заглядывал в каждую сраную дыру. Убеждал запуганных бедняков, что мы не из стражи. Один старик сказал: «Много их ходит, пьяных, с медалями». Всё. А этот выкидыш устроился за амбаром с местными... — он посмотрел на Лиса с таким выражением, будто пытался понять, как тот умудрился снова попасть в неприятности, — Крестьяне — люди бедные, сечёшь? У них и так мало. А он начал жульничать.

Лис пожал плечами

— Ну а что? — Лис развел руками, на его губах играла гаденькая ухмылка. — Сидят скучают, кости кидают. У них там медные гроши в кошелях застоялись, азарт в глазах затух. Я просто хотел их взбодрить. Хе-хе. Немного ловкости рук, пара шуток про их жен — и вуаля! Банк мой. Правда, когда они заметили, что у меня кости со смещенным центром тяжести, их дружелюбие как-то резко испарилось.

Айка рассмеялась тихо, но в её смехе слышалась не только радость — скорее, это был способ снять напряжение.

Братила тем временем достал из мешка кусок хлеба и начал есть, будто хлеб решал все проблемы. В этом и была его сила: он верил, что если ты ешь — значит, ты жив, а если жив — значит, можно идти дальше. Айка подсела к нему.

— Слушай, — сказала она мягко, — когда меня увидел на листовчках… ты подумал, что я правда убила?

Братила замер с хлебом у рта. Он выглядел растерянным, как ребёнок, которого спросили про смерть.

— Не-а, — сказал он наконец. — Ты мелкая. Ты… — он поискал слово. — Ты хитрая. Но убивать… — он пожал плечами. — Убивать трудно. Это не как воровать. Воровать легко. Убивать — потом внутри плохо.

Айка чуть улыбнулась. На секунду в ней мелькнуло что-то тёплое. Лис тут же испортил момент:

— У меня внутри плохо, когда я не ворую.

Братила бросил в него крошкой.

— Ладно, — сказал я, вставая. — Сначала ужин. На пустой желудок не думается.

Работа закипела с немой, уставшей слаженностью. Братила притащил дров и раздул костёр до ровного, жаркого пламени. Лис принёс воду. Айка взяла на себя кухню. Она не готовила — она совершала обряд.

Чугунный котелок, наш общий алтарь, зашипел, приняв сало. Звук был сочным, обещающим. Потом полетел лук, нарезанный так тонко, что стал золотым кружевом в жире. Аромат ударил в нос, сметая всю болотную вонь и страх — запах простой, яростный, жизненный. Затем капуста, нашинкованная в мелкую соломку. Она захрустела, сдаваясь жару. Воздух наполнился сладковатым духом грядки, которой здесь никогда не было.

Айка мешала ложкой, её лицо в свете пламя было спокойным, почти святым. Вот она — алхимия выживания: грязь, страх и жёлтые луковицы превращаются в тепло под рёбрами.

— Вода, — сказала она, и Братила подал флягу. Шипение пара на мгновение окутало её лицо. Потом она достала мяту, растёрла листья между пальцами — резкий, холодный аромат врезался в жирную гармонию, как крик в тишине. — Чтобы не забывать, что есть что-то кроме этой суматохи.

Лис, принюхиваясь, уселся поближе.

— О, чёрт, пахнет почти как дома! Если бы у меня был дом. И если бы в нём что-то готовили, ясное дело.

Братила тем временем нарезал хлеб толстыми ломтями. Мы сели ужинать. Не чинно, а жадно, глухо, зачерпывая густое варево ломтями чёрного хлеба. Чавкали, сопели, обжигались. И не было в этом звуке стыда. Это был хор живых.

Братила облизывал пальцы, Лис причмокивал, Айка ела маленькими глотками, а я просто насыщался, чувствуя, как тепло растекается по закоченевшим суставам. На миг не было князей, перстней, убийств. Была только миска, пламя и четыре пары глаз, отражающих огонь.

После еды, когда тела согрелись, а мысли стали вялыми,

пришла усталость. Братила первым улёгся у стены, завернувшись в свой плащ. Через минуту его дыхание стало тяжёлым и ровным. Лис, покрутившись на своём месте, свернулся калачиком у самого костра, будто боялся, что тепло кончится.

Я остался сидеть, прислонившись к стене, точа нож. Механические движения успокаивали. Айка подошла, села рядом.

— Твоя очередь спать, — сказала она тихо. — Я посижу. Послушаю город.

— Я спал на войне урывками. Привык.

— Это не привычка. Это наказание, которое ты сам себе назначил. — Она обняла колени, уставилась на огонь.

Я протянул руки к огню, но тепла не чувствовал. Пальцы правой руки начали мелко дрожать — старый «привет» с фронта. После Ольховки, когда я двое суток не выпускал из рук то хирургическую пилу и зажим, то арбалет, холод поселился где-то глубоко в костном мозге. Я сжал кулаки, пытаясь унять тремор. Боль была не настоящей, фантомной, будто кто-то невидимый медленно затягивал швы на моих собственных запястьях.

— Болит? — тихо спросила Айка.

Она заметила. Черт бы её побрал со своей внимательностью.

— Просто сырость, — соврал я, пряча руки в складках плаща.

Угли догорали. Снаружи завыл ветер. Айка, Лис и Брати-

ла уже спали. Я поймал себя на странной мысли: амбар был очень тихим. Не пустым — именно тихим, как комната, из которой все вышли. Я встал и проверил засов входной двери. Он был цел и заперт.

Это почему-то не успокоило.

Я вернулся к костерку, закрыл глаза, оставив слух настороженным. Последнее, что я почувствовал перед тем, как провалиться в чёрную, беспробудную яму сна, — был лёгкий, едва уловимый запах мяты, смешанный с дымом.

Где-то далеко, за рекой, глухо ударил колокол. Не по времени.

Глава 8. Туманники.

Страшно не то, что ты ошибся. А то, что ты сделал это снова — и назвал опытом.

Ночь за стенами амбара сгустилась, превратившись в непроницаемую черноту. Внутри, под прохудившейся крышей, воздух казался ещё тяжелее. Единственная масляная лампа, стоявшая на шатком ящике, кашляла тусклым рыжим пламенем, отчего тени на стенах плясали безумный танец. То вытягиваясь до стропил, то сжимаясь в бесформенные пятна.

Утро не принесло облегчения. Оно вползло в амбар серой, мутной полосой через щели в стенах, подсвечивая убожество нашего убежища.

Айка разогрела остатки вчерашней похлёбки, добавила душистые травы. Лис подбросил дров. Братила сел спиной к стене, как всегда — контролируя пространство.

Пока ели, я рассказал Братиле и Лису о фальшивом торговце сбитнем. О том, как тот свидетельствовал против Айки. И что появился он за пару лун до смерти Червона.

— Значит, за нами следят, — подытожила Айка. — И готовы подставить любого, лишь бы дело закрылось.

— Дело не закроется, пока не найдём убийцу, — мрачно сказал Братила. — Червон был моим братом по крови. Месть!

Лис посмотрел на него с жалостью.

— Твой брат умер потому, что знал слишком много, а бежал слишком мало.

— Заткнись, хмырь! — Братила сжал кулаки. — Ты не знаешь его!

— А ты знаешь? — Лис положил руку на свой самострел. — Твой Червон был дезертиром, хе-хе. В Заречье на жёлтой глине дезертиры прячутся. Бежал с фронта. У него был перстенёк Вышеславских. Ясное дело, кто-то решил, что он слишком много знает. Вот и вся поэзия.

В амбаре повисла тишина. Братила прикрыл глаза и сделал шумный вдох.

— Он был моим братом, — наконец сказал он тихо. — И я не брошу его. Даже если правда убьёт меня.

— Ты прав, Червон искал что-то. И это что-то убило его. Перстень — лишь ключ.

Я вытащил из кармана перстень и положил на ящик между нами. Золото блеснуло тускло, змеи будто шевельнулись.

— У нас есть улика, которая ведёт прямиком к княжескому дому. Есть опричники, которые хотят закрыть дело на Айке. Есть лжесвидетель. И нет времени.

— И что нам делать? — спросила Айка устало.

— Мы в капкане, — Лис начал расхаживать по пятачку свободного пространства, постоянно оглядываясь на дверь. Его пальцы безостановочно перебирали невидимые монеты в пустом воздухе. — Вы хоть понимаете? Опричники не про-

сто ищут воровку. Они зачищают город. И если мы продолжим играть в благородных следопытов, то закончим на виселице очень скоро. Я видел, как это бывает.

— Хватит скулить! — голос Братилы ударил по ушам. — Беготня. По одичночке выловят. Нужно бить первыми!

Он шагнул в круг света, и его огромная тень накрыла Лиса. Под ногами скрипел песок, смешанный с опилками.

— Взять главного пса! — Братила ударил кулаком по коленке. — Дело гнилое. Солдат, печать, яд… а он — на девку! Зачем? Концы в воду. Значит, в курсе. Его надоумили. Или сам в деле. Берём. Тащим сюда. — Он сделал резкий, скручивающий жест руками. — Он заговорит. Я гарант, сечёшь?

— Похитить главу опричников? Ярополка Тёмного? — Лис поперхнулся смешком. — Ты совсем головой поехал, большой парень? Это тебе не корову из хлева увести. Собаки, ловушки, патрули...

— Я — загребушник. Пять зим. — Братила ткнул себя в грудь. — Моя работа — «языки». Тихо. Я знаю, как снять часового. Как связать, чтоб не дёргался. Выследим у поместья. Оглушим. Притащим. — Он облизнул губы. — Запоёт.

В амбаре повисла тяжёлая пауза. Братила не двигался. Он сказал всё, что хотел, и теперь ждал нашей реакции. Его плечи были напряжены, как перед рывком.

Лис медленно выдохнул, словно только сейчас понял, что всё это всерьёз. Он отвёл взгляд, уставившись в грязный пол. Мыском сапога начал рисовать узоры из опилок и золы под

ногами.

Айка сидела неподвижно. Она не смотрела ни на кого. Только на перстень. Её губы были сжаты в тонкую линию. Такой взгляд бывает у тех, кто прикидывает не «можно или нельзя», а «сколько это будет стоить».

Я молчал, давая плану Братилы улечься, как укладывается осадок в кувшине браги.

— Ого, — Лис вальяжно развалился, заведя руки за голову. — Вот это размах. Ты хочешь украсть человека у государства. Это… это даже романтично. Почти как украсть луну.

Я слушал, слегка склонив голову. План был безумным, отчаянным. Но в нём была логика солдата, привыкшего решать проблемы захватом ключевой точки. Братила не предлагал хитрить — он предлагал применить свой главный навык, единственное, в чём он был абсолютно уверен. Это был план из его прошлого, из окопного ада, где ценность имели только сила, тишина и скорость.

— И тогда за нами пришлют не опричников, а всю городскую стражу вместе с палачом, — я вставил свой комментарий, не меняя позы. — Похищение высокопоставленного чиновника — это билет в один конец, Братила. Твои армейские замашки обернутся кровавой баней.

— А у тебя есть план погуще, дозорный? — огрызнулся гигант.

Лис внезапно замер, его глаза-щелочки заблестели.

— У меня есть план. И он гораздо изящнее твоего мясницкого подхода. Слушайте. В нижнем городе, в квартале наёмных улыбок, есть одна шлюха... Фигурой она один в один как наша Айка. Если накинуть на неё морок… Не просто грим, ясное дело. Я знаю старуху, ей понадобятся только волосы, ногти и кровь Айки. Наложит чары. Ненадолго. Переоденем, косички заплетём. Сдадим опричникам. Подстроим «случайный» арест. А мы тем временем... Ну, перстень спрячем, или князю подкинем анонимно, или... Посеем хаос! Пока они пытают фальшивку, мы свалим из города! Все счастливы!

Тишина на этот раз была другой. Не тяжёлой — липкой.

Братила медленно повернул голову к Лису. В его взгляде не было ярости — только пустота, та самая, что появляется у людей, когда внутри что-то окончательно решается.

Айка подняла глаза. В них не было удивления. Только усталость. Она слышала подобные предложения всю жизнь — просто раньше их произносили тише.

Я заметил, как Лис улыбнулся чуть шире, чем нужно. Улыбка запоздалая, защитная. Он уже жалел о сказанном, но отступать не умел. Даже лампа, казалось, началакоптить сильнее.

— Кроме шлюхи, — заметила Айка.

— Хех… ну… — Лис пожал плечами. — В Верее кто-то всегда несчастлив.

— Лис, — сказал я, — это худший план, который я слы-

шал.

— А почему нет? — Лис пожал плечами, в его тоне прорезался страх. — Она всё равно долго не протянет с её-то образом жизни. Зато мы будем свободны. Я так уже делал, и ничего — тот парень, что сел вместо меня, даже не понял, как это случилось. Чем дольше мы ковыряемся в этих уликах, тем туже петля на наших шеях. Я не хочу болтаться на столбе из-за твоего перстня!

В амбаре повисло молчание, которое бывает после того, как кто-то предложил продать человека и назвал это «небольшой хитростью».

— Кабы нет, — сказал Братила. — Это подло.

— Подло — это умереть из-за твоей честности, — огрызнулся Лис. — Подло — это когда тебя ловят, вешают, а потом твои друзья говорят: «ну, зато они не подставили шлюху». Это очень благородно будет звучать на похоронах.

— Ты предлагаешь то, что даст нам не больше одного дня, — сказал я Лису. — И убьёт на следующий.

Лис посмотрел на меня, раздражённо.

— Почему?

— Опричники не идиоты. Проверят, пытать начнут сразу. Время не выиграем, только кровь прольём.

Я смотрел не на Лиса, а куда-то внутрь себя, туда, где копились обрывки воспоминаний. Жест ветерана. Искажённое, пьяное лицо. Пальцы, скрюченные в неестественной форме. В голове щёлкнуло.

— Он не просто умер, — вдруг сказал я, прерывая начинающийся спор. — Он пытался что-то сказать. Предупредить.

Все взгляды устремились на меня.

— В таверне. Перед тем как Айка к нему подсела. Он на меня смотрел. Показал жест. — Я медленно поднял руку и попытался воспроизвести тот самый, корявый, дрожащий знак. Сложенные вместе пальцы, отведённый в сторону большой, резкий взмах кистью вниз. — Я думал, он просто пьян. Или бредит. Но сейчас понял. Это армейский сигнал. Из разведки дозоров. Означает: «Предатель. Среди своих».

Никто не ответил.

Лис хмыкнул, желая разрядить воздух шуткой, но звук застрял в горле и вышел каким-то надломленным. Он тут же отвернулся и начал возиться с тетивой самострела, проверяя её так тщательно, словно от этого зависела жизнь.

Братила сжал челюсти. Я увидел, как на скулах проступили желваки. Он не смотрел на меня — уставился в стену, туда, где между досками торчал ржавый гвоздь. Гвоздь был погнут. Он смотрел именно на него.

Айка не шевельнулась. Только медленно убрала руку с перстня и спрятала её в рукав. Её плечи напряглись, будто она ожидала удара со спины. Взгляд скользнул по нам всем — коротко, почти незаметно — и тут же ушёл в пол.

Я почувствовал, как по спине ползёт холод. Осознание. Предатель — это не тень в переулке. Это тот, кто стоит рядом

и знает, как ты дышишь.

— Пре… предатель? — переспросил Лис, и его голос сорвался на фальцет.

— Он видел того, кто его отравил, — я продолжал. — Или знал, что тот был там, в зале. И попытался меня предупредить. Жестом. Показал на предателя, а я… я не понял. Потому что он смотрел на меня, а жест указывал… куда-то в сторону.

Я закрыл глаза, пытаясь воскресить в памяти ту сцену: дымный зал, тени от очагов, лицо ветерана. Кто был рядом? Мавра? Гривец, бормочущий про «всё уже было»? Купец? Пьяные морочи? Картина была смазанной, как будто на неё налили табачной жижи. Много людей. Но один… один держался слишком спокойно. Один не бросился помогать. Один не кричал. Он просто стоял и смотрел.

— Значит, — медленно проговорил я, — отравитель был в зале. И Червон его узнал. И попытался передать информацию мне, единственному, кто, как он, вероятно, подумал, мог понять армейские сигналы. Это меняет всё. Это не случайность. Это устранение свидетеля. Свидетеля чего? Княжеской тайны? И предатель… свой же? Кто?

Молчание. Враг был не где-то там, в кабинетах власти. Он мог быть здесь, среди нас. Или где-то совсем рядом.

— Если это подстава, — цинично бросил Лис. — Значит, мой план… отпадает. Если предатель среди своих, он знает, что Айка — не убийца. Не сработает.

— Хватит! — я поднялся.

— И что предлагаешь? — Братила вытер пот со лба. — Сидеть, ждать, пока они дверь вышибут? Кабы нет!

— Мы пойдём к князю, — сказал я.

В амбаре повисла тишина. Братила задумчиво почесал подбородок.

— Князь... если Червон умер из-за его перстня, то князь знает почему. И кого искать.

— Или сам приказал убить, — тихо добавила Айка.

— Хочешь пойти к князю? — Лис побледнел так, что стал похож на покойника. — Ты спятил. В его особняк? Там нас и убьют!

— Если перстень у него украли, он захочет знать — кто и почему, — я посмотрел на Лиса. — Если же он сам замешан в этом, то наша единственная надежда — ударить в самое сердце. Князь — человек политический. Ему не нужен шум.

— Самоубийство, — Братила покачал головой, но в его глазах блеснул интерес. — Но… это по-мужски. Идти прямо на рожон.

— Нет! Я не пойду! — взвизгнул Лис. — Это верная смерть!

— Прямо в логово. — Братила прищурился.

— Прямо, — кивнул я. — Без подкопов и масок. Без чар и похищений. Мы зададим вопросы о перстне ему в лицо.

Айка медленно выдохнула.

— Он не станет отвечать, — сказала она. — Или станет

— так, что мы пожалеем.

— Возможно, — согласился я. — Но он будет знать, что мы знаем. И что не боимся смотреть ему в глаза.

Лис нервно засмеялся.

— Ага. И он такой: «Ах, какие смелые! Проходите, вот вам правда, вот вам медовуха».

— Нет, — я покачал головой. — Он будет играть. Как и все, кто сидит высоко. Но игра пойдёт по другим правилам.

— Ну конечно-конечно. Пойти к самому опасному человеку в Верее и задать ему неудобные вопросы. Почему бы и нет? — Лис вздохнул. — Ладно.

— Ты останешься, — сказал я. — Если мы не вернёмся…

— …то буду импровизировать, — облегчённо выдохнул Лис. — Это у меня хорошо получается.

— Хорошо, — сказал я. — Решение принято. Идём к князю. Но не сломя голову. Нам нужен план, подготовка и страховка.

Я обвёл взглядом нашу компанию. Братила хмуро точил свой тесак — звук камня по стали в тишине амбара действовал на нервы не хуже визга пилы. Айка сидела на корточках, рисуя прутиком на пыльном полу схему улиц, которую она помнила наизусть.

— Есть два варианта, — сказал я, толкнув лежащий перед нами перстень пальцем. — Первый: князь не замешан. Может перстень украли у него или его людей. Убийство Червона — угроза его власти, использование его герба в тёмных

делах. Он будет заинтересован разобраться больше нашего. Мы приносим ему улику — становимся полезными.

— А второй вариант? — спросила Айка, не прекращая рисовать карту.

— Второй: он замешан. Лично или через кого-то из близких. Тогда мы идём в пасть к змею. — Я сделал паузу. — Но даже в этом случае есть шанс. Князь — политик. Публичная расправа над принесшими его же печать? Шумно. Он попытается разобраться тихо. Выяснить, что мы знаем. А это даст нам время понять, что он замешан, и, возможно, выйти живыми.

— «Возможно» — ключевое слово, — мрачно пробурчал Братила. — Я согласен. Лучше смотреть в глаза смерти, чем ждать, когда она придёт сзади. Идём. План нужен.

— Теперь сам визит, — я начал загибать пальцы. — Первое: внешний вид. Мы не можем явиться к князю в чём есть. Он подумает, что мы воры... — я осёкся, посмотрев на Айку.

Она усмехнулась, обнажив зубы.

— Ой, как неловко вышло. Подумает и будет прав. — Айка выгнула бровь. — Вещи мы, «одолжим». Ночью наведаемся в «Золотой напёрсток». У них всегда висят готовые платья на манекенах.

— Второе: местность, — продолжил я. — Особняк на Каменном холме. Мы должны знать его как свои пять пальцев. Не только главный вход.

— Я бывала рядом, — Айка ткнула прутиком в «карту»

на полу. — Там высокие стены, но с северной стороны они примыкают к старой часовне. Крыши почти соприкасаются. С часовни можно на стену, а со стены — на служебные постройки во дворе.

— И с крыш постройки — прямо в окно второго этажа или на внутренний балкон, — подхватил я. — Это должен быть наш основной путь на случай бегства. Но нужна разведка. Завтра я проберусь на колокольню той часовни. Посмотрю распорядок патрулей на стенах, где тени глубже, где можно залечь.

— А на земле? — спросил Братила. — Если погоня будет по улицам?

— С холма три главных спуска, — сказала Айка и продолжила чертить палочкой карту на полу амбара. — Прямой к мосту — самый оживлённый, там нас быстро перехватят. Западный — лабиринт узких улиц, там можно затеряться, но и засаду легко устроить. Восточный — мимо старых складов к Змеевице. Там мало людей, есть причалы с лодками. Если добежим до воды — шанс есть.

— Значит, отступаем на восток, к реке, — заключил я. — Но это если всё пойдёт совсем плохо. Надеемся, что дойдёт только до намёков на побег.

— Третье: сюрпризы. Надо заготовить «туманники». Обязательно, —увидев удивлённые взгляды, я пояснил. — Дымовые шары. Собьют с толку, помогут разорвать строй. Для них нужна селитра, сера, уголь и сухие травы. Если бахнуть

такой о землю, опричники будут выплевывать свои лёгкие раньше, чем нащупают рукоять меча.

— Я знаю, где взять, — сказала Айка. — У старого алхимика в Подгорье. Он не задаёт лишних вопросов. Травы — болиголов, белена, спорынья, чернолист, волчеягодник. Корни, не ягоды. От ягод только рвота, а дым от корней сводит с ума. Я добавлю толчёной перцовой пыли — собьёт собак. Ещё у меня есть парочка игл с параличом, — Айка едва заметно коснулась своего рукава. — Если подойдут близко.

— Четвёртое и главное: страховка, — я посмотрел на Лиса. — Ты будешь нашей парой глаз и рук снаружи, — объяснил я. — Займёшь позицию с видом на главные ворота особняка — чердак дома напротив. Возьмёшь «туманники» и зажигательные болты для твоего самострела.

— Зажигательные? — переспросил Лис.

— Да. Сделаем завтра. Берешь болт, обматываешь конец промасленной паклей, сверху — тонкая береста и сера. Поджигаешь, стреляешь. Цель — не люди, а деревянные постройки во дворе, сараи, сенные склады, конюшня. Огонь вызовет панику, отвлечёт охрану.

— А если меня заметят? — голос Лиса дрогнул.

— Тебя не должны заметить. Ты стреляешь из укрытия, с дальнего расстояния. Один-два болта — и сразу меняешь позицию. Твоя задача — не геройствовать, а создать шум и суматоху в самый критический момент.

— А какой момент — критический? — спросил Лис, уже

делая в уме заметки.

— Сигнал будет простой, — сказал я. — Если мы выходим из ворот спокойно, значит, всё в порядке. Если выходим бегом, или если через два часа после нашего входа у ворот начнётся явное оживление, стягивание стражников — значит, плохо. Тогда ты действуешь: сначала дымовые шары в сторону караула у ворот, потом зажигательные болты через стену, во внутренний двор. И сразу уходишь. Не ждёшь нас, не смотришь — просто уходишь.

— А если нас вообще не выпустят? — спросила Айка.

— Тогда это и есть «явное оживление», — сказал я. — Лис ориентируется по ситуации. Главное — он не должен себя раскрывать раньше времени.

Лис глубоко вздохнул, его пальцы нервно перебирали побрякушки на кафтане.

— Решено, — я поднялся. — Завтра разведка, закупка ингредиентов и «примерка» у портного.

Братила молча улегся на сено, положив тесак под голову. Лис долго возился в углу, что-то бормоча. Айка затушила лампу.

В амбаре воцарилась тишина, но это не был покой. Это было затишье перед штурмом. Я лежал, глядя в темноту, и перед глазами всё плыл медный ворон на флюгере княжеского дома. В темноте раздалось тяжёлое дыхание Братилы.

— Горша, — тихо позвала Айка.

— Да?

— Спасибо. Что не сдал меня тогда, в таверне.

Я ничего не ответил. Просто лежал и смотрел в потолок, где сквозь щели в крыше проглядывали редкие звёзды. План был. Страховка была. Были союзники — странные, ненадёжные, но свои.

Оставалось самое трудное — дождаться утра и сделать всё, что задумали. А потом — шагнуть в пасть к змею и посмотреть, удастся ли вырвать у него правду, или он проглотит нас без особого усилия.

Лис ворочался в своём углу. В полной тишине его шёпот прозвучал как скрип несмазанной двери: «...серебряные голуби... чушь болотная...». Я прислушался, но он уже храпел натужным, поддельным храпом. Значит, не бредил. Значит, в болоте он услышал что-то конкретное и теперь боится это вспоминать даже во сне.

Где-то вдали, за Змеевицей, завыла собака. Одиноко и протяжно. Потом стихло. Я закрыл глаза. Сон не шёл, но тело требовало отдыха. Завтра будет долгим днём. А послезавтра — решительным.

«Предатель. Среди своих».

Глава 9. Холм.

Надежда — это не свет в конце тоннеля. Это спичка, которую ты зажигаешь в собственных ладонях, чтобы обжечься и понять: темнота всё ещё тут.

Город просыпался нехотя, как человек после тяжёлой попойки. С хрипом торговцев, выволакивающих товары на улицу. Со скрежетом телег. Утро в амбаре было сырым и холодным, как дыхание мертвеца. Я никогда не любил Верею утром. Днём она притворялась городом, ночью — хищником. А утром была просто гнилым телом, которое ещё не решило, стоит ли вставать.

Айка стояла у щели в стене, глядя на серый, только просыпающийся город. Её профиль в тусклом свете казался вырезанным из бледного дерева.

— Не спала? — спросил я тихо.

— Спала, — она не обернулась. — Проснулась раньше. Думала.

— О чём?

— О том, что сегодня мы всё испортим. Или нет. Пятьдесят на пятьдесят.

— Щедрые шансы, — я потянулся, хрустнули позвонки. — Для Вереи.

Мы вышли из амбара вместе. Так, чтобы в любой момент

можно было коснуться локтем, поймать взгляд, понять без слов. Айка шла чуть впереди. Она лучше всех знала, где стоит смотреть по сторонам. Братила держался слева, ближе к стенам. Лис — справа, всё время оглядывался, будто проверял, не приросла ли к его спине тень. Я ловил себя на том, что считаю его шаги. Не потому, что он шумел — наоборот. Он двигался слишком тихо. Я стиснул зубы и заставил себя идти ровно. Война закончилась. Это просто привычка.

Первой остановкой стало Подгорье. Это был район, где вонь стояла такая, что слезились глаза — смесь кожевенных мастерских, мыловарен и алхимических лавок самого низкого пошиба. Именно здесь обитал «старый знакомый» Айки.

Лавка алхимика встретила нас звоном колокольчика и запахом жжёной серы. Внутри царил полумрак, полки до потолка были заставлены склянками, банками, пучками сушёных растений. В воздухе висела тяжёлая, пряная смесь запахов. Хозяин, сморщенный как старое яблоко старик, даже не поднял на нас глаза. Он читал пергамент и перебирал чётки из высушенных косточек.

— Селитра, чистая сера, пакля, древесный уголь мелкого помола. И травы: болиголов, белена, корни волчеягодника, чернолист, спорынья, молотый в пыль красный перец, — перечислил я, выкладывая на прилавок монеты, «позаимствованные» из кошелька Червона. — Самые злые, что есть.

Старик глянул на меня мутными глазами, потом на Братилу, подпирающего дверной косяк.

— Для борьбы с крысами? — прошамкал он.

— Ты всё правильно понял. С довольно крупными. — отрезал я.

— Корень волчеягодника, если переборщить с дозой, даёт не дым, а ядовитый пар.

— Я знаю меру, — сказала Айка, выступая вперёд. — И нужны ещё связующие: трагакант из астрагала густоцветкового. Или хотя бы густой дикий мёд.

Старик перевёл на неё свой взгляд, и в его глазах мелькнуло что-то вроде уважения.

— Полукровка. Знаешь старые рецепты. Редкость. — Он покачал головой. — Всё есть.

Когда старик отвернулся к полке с травами, Лис наклонился ко мне.

— Если нас здесь травануть, я буду очень недоволен, — прошептал он.

Пока алхимик дрожащими руками взвешивал порошки, я чувствовал спиной напряжение своих спутников. Лис нервно переминался с ноги на ногу, косясь на банки с заспиртованными уродцами. Братила не сводил глаз с окна. Мы были как натянутая струна. Если сейчас в дверь войдут люди Ярополка, мы заперты здесь, среди склянок с ядом.

Забрав ингредиенты, мы двинулись дальше — к Каменному холму. Воздух Подгорья после лавки алхимика показался почти чистым. Каменный холм — район князя — был словно другим городом: чистые улицы, высокие стены, стра-

жа в блестящих кольчугах. Особняк Вышеславского возвышался на вершине холма — серый камень, башни с флюгерами (медный ворон на главной — чёрный, с расправленными крыльями). Стены высокие, с бойницами. Ворота кованые, с гербом — две змеи.

Чем выше мы поднимались, тем резче менялся воздух. Сначала исчезли открытые сточные канавы — нечистоты ушли в подземные трубы, спрятав позор города с глаз долой. Грязь под ногами сменилась мощёной мостовой, где каждый камень был подогнан к другому так плотно, будто их склеили слюной самого дьявола. Здесь даже тени казались чище. Воздух стал разреженным и холодным, в нём больше не было запаха человеческих тел — только аромат можжевельника, дорогого табака и ладана из богатых часовен.

— Как будто другой город, — пробормотал Лис.

— Это и есть другой город, — ответил я. — Тот, в котором мы не живём. Нам нужно видеть двор князя, —сказал я.

Мы не стали подходить к особняку вплотную. Нашей целью была колокольня заброшенной часовни. Каменная кладка её была тёмной, покрытой лишайником и надписями углём, которые здесь называли «молитвами бедных». Мы вошли внутрь. Витражи были выбиты, на полу валялись обломки скамеек. Наши шаги гулко отдавались под сводами.

— Лестница на колокольню там, — Айка указала в дальний угол.

— Братила, оставайся внизу у входа, — сказал я. — Если

кто войдёт — предупредишь.

С высоты особняк Вышеславских выглядел как изящная, но смертоносная ловушка. Дружинники князя, часовые, вольеры с собаками. Отсюда, из тени колоколов, я видел всё: и ритмичный шаг арбалетчиков на стенах, и копошение слуг во внутреннем дворе. Не парадный фасад, а его изнанка: внутренний двор, конюшни, кухонный флигель, казармы охраны.

— Смотри, — прошептал я Айке, указывая на крышу служебного здания. — Оттуда — на тот балкон. А с балкона — в окно. Оно сейчас закрыто ставнями, но, если нужно будет — выбить.

— Вижу, — она прищурилась. — Патруль. Двое. Обходят двор по кругу.

— Мало, — заметил Лис, протискиваясь между нами. — У князя должно быть больше стражи.

— Остальные, наверное, у главных ворот и на стенах снаружи, — предположил я. — Внутри двор считают безопасным. Хорошо для нас.

— Лис, видишь чердак вон того дома с облезлой черепицей?

— Вижу, — буркнул он, кутаясь в кафтан. — Оттуда весь двор как на ладони. Ясное дело, болт долетит.

— Значит, позиция твоя. Видите восточные ворота? Те, что для подвоза провизии?

— Узкие, — оценила Айка. — Двоим не разойтись. Ес-

ли запрём их изнутри, отрежем подкрепление из казарм на добрые пять минут.

Мы стояли там, наверху, обдуваемые холодным ветром Змеевицы. Трое изгоев, планирующих штурм княжеского гнезда. Я смотрел и думал: кто из них сейчас запоминает не пути отхода, а наши планы, чтобы шепнуть Ярополку?

— Там, — Айка указала на угол двора, — собаки. Три. Может четыре. Они чуют страх.

— А как они почуют страх, с нами же не будет Лиса, — сказал я и хлопнул его по плечу.

— Эй!

— Тихо, — шикнула Айка.

Мы пробыли на колокольне несколько часов, запоминая маршруты стражников, расположение дверей, где тени лежали гуще. Я заметил то, что искал: старый водосток, ведущий с крыши кухонного флигеля прямо за стену, в узкий переулок на восточном склоне холма.

— Вот наш путь, если придётся удирать, — показал я. — С крыши — по водостоку — в переулок — и к реке.

Пока мы наблюдали за двором, я заметил движение у боковой калитки. Двое стражников вывели человека в длинном сером плаще с капюшоном. Он шёл быстро, почти скользил.

— Видишь? — шепнул я.

Айка прищурилась.

— Кто это?

— Не знаю. Но его провели не через главные ворота.

Человек поднял голову — и я увидел под капюшоном маску. Тонкую, белую, без глазниц. Он сделал короткий жест ладонью и вышел — стражники одновременно опустили головы, будто перед жрецом.

— Что происходит? — прошептал Лис.

— Обряд, — сказала Айка. — Или тайная встреча.

Человек в маске не просто вышел. Он остановился на мгновение, повернув голову к главной башне, где на флюгере сидел чёрный ворон. И совершил странный, отрывистый жест: левая рука легла на грудь, пальцы правой сложились в фигуру, отдалённо напоминающую клюв. Затем он быстро скользнул в боковую калитку, и стража снова её заперла.

— Это что ещё за чертовщина? — воскликнул Лис, и в его голосе впервые за сегодня была настоящая тревога.

Никто не ответил ему сразу.

Ветер прошёлся по часовне, качнув ржавый язык колокола. Айка медленно опустила руку, которой указывала на двор, и спрятала пальцы в рукав, будто ей вдруг стало холодно. Я почувствовал, как под плащом между лопатками выступил пот.

— Молчи, — тихо сказал я. — Это не наша забота.

Но это была ложь. Это становилось нашей заботой. Человек в белой маске, подающий знаки ворону Вышеславских...Мы спустились вниз. Братила стоял у двери в часовню.

— Всё чисто, — буркнул он.

Последним делом была «примерка». Квартал портных вечером казался вымершим, но это была иллюзия — за каждым вторым окном сидел сторож.

— «Золотой напёрсток», — прошептала Айка, указывая на добротный двухэтажный дом с вывеской.

Мы зашли в переулок. Братила встал у входа, закрывая своей широкой спиной обзор с улицы, а Лис остался следить за верхними окнами. Я и Айка подошли к служебной двери. Она работала быстро. Тонкая спица, пара уверенных движений, едва слышный щелчок. Мы скользнули внутрь всей группой.

Где-то наверху, на втором этаже, что-то тихо щёлкнуло. Не замок — доска. Потом шаг. Один. Я замер, подняв руку. Айка застыла с рукой, тянувшейся к полке с тканями. Лис исчез в тени между манекенами так быстро, будто его там и не было. Мы стояли, не дыша, считая удары сердца. Шаги прошли мимо. Где-то скрипнуло окно. Тишина вернулась — липкая и подозрительная.

— Быстро, — выдохнул я одними губами.

Запах дорогой шерсти, шелка и нафталина ударил в нос. В слабом свете, пробивавшемся через щели ставней, угадывались ряды манекенов, задрапированные готовыми платьями, кафтанами, плащами. На столе лежали лоскуты, катушки ниток.

Айка выбирала быстро, без сомнений. В полумраке это

было непросто — приходилось ощупывать ткань, прикидывать размер.

— Хватай этот камзол, Горша, — Айка бросила мне темно-синий кафтан с серебряным шитьем. — Строго, дорого, по-ветерански. Братиле — вон ту кожаную безрукавку поверх сукна. Будет выглядеть как элитный наемник.

— А ты? — спросил я.

Она вытянула из-под зажима тяжелое платье из темно-зеленого бархата с высоким воротником.

— Буду твоей молчаливой племянницей, которая потеряла дар речи от красоты княжеского дома.

Лис тем временем уже набивал карманы какими-то обрезками шелка и пуговицами. Его пальцы, быстрые и жадные, скользнули по полке, прихватывая не только обрезки, но и небольшой сверток из тонкой ткани. Мельком я увидел вышитый уголок — темно-бордовый, с золотой нитью. Не герб Вышеславских. Другой. Остро знакомый.

— Оставь, дурак, — шикнул я на него. — Лишняя кража только привлечёт внимание. Мы берем только то, что наденем.

Лис проворчал. Он положил свёрток, но сделал это неохотно, как человек, которого лишили нужной вещи. Я запомнил это движение. Посмотрел на уголок платка ещё раз. Две скрещенные стрелы, пронзающие полумесяц. Где я это видел? Мысль, как шершень, ударила в висок и отскочила, не дав ужалить. Позже. Надо будет вспомнить позже.

Обратный путь в амбар был самым напряжённым. Каждый шорох, каждый силуэт вдали заставлял сердце биться чаще. Мы шли кружным путём, петляя по узким переулкам, заходя в тупики и возвращаясь. Я постоянно оглядывался, искал повторяющиеся силуэты, слишком внимательные взгляды. Город жил своей жизнью, и в этой суете было легко затеряться — и легко потерять бдительность.

Амбар встретил нас холодом и темнотой. Мы вошли, заперли дверь, и только тогда позволили себе выдохнуть.

Разожгли огонь. В его свете разглядывали друг друга. Выглядели мы странно — как актёры, натянувшие чужие костюмы для идиотской пьесы. Братила в своём суконном мешке казался ещё массивнее. Лис в коричневом кафтане — немного менее жалким. Айка в зелёном платье и плаще с капюшоном выглядела… другой. Не уличной воровкой, а кем-то вроде горожанки, дочерью ремесленника, может быть.

Она поймала мой взгляд и отвела глаза. Вдруг мне стало не по себе. Не потому, что она была красива — а потому, что в таком виде её увидят там, на холме. Красота — тоже оружие. Иногда самое грязное. Я подумал о князе и поймал себя на злости, которой не смог сразу дать имя.

— Что? Не идёт?

— Идёт, — честно сказал я. — Князю… понравится.

— Опасный комплимент, — она усмехнулась, но в глазах промелькнуло что-то тёплое.

Приступили к заключительному этапу подготовки. Работа

закипела. Айка, как настоящий алхимик, принялась смешивать компоненты. Она делала это с сосредоточенным, почти священным вниманием. Растирала травы в ступке, её движения были точными, как у хирурга. Я стоял рядом и подавал: тряпка, пропитанная смолой, внутрь — травы и смесь серы, селитры и угля, сверху — перечная пыль.

— Селитра — основа, — бормотала она, отмеряя ложкой белый порошок в деревянную миску. — Сера для воспламенения. Уголь для дыма. Белена и перец — для «остроты». Болиголов, корни волчеягодника, чернолист, спорынья — чтобы забрать зрение и разум. Жаль, не навсегда. — Она тщательно перемешала всё деревянной лопаткой, потом добавила немного растопленного мёда, чтобы масса стала липкой, как тесто.

Её пальцы двигались быстро, точно, будто она плела не смертоносные шары, а косички на детской ярмарке. Она смешивала травы, толкла их, добавляла угольную крошку, каплю масла, топлёный мёд, щепотку серы. Скатала первый шар. Он был размером с куриное яйцо, туго обмотан ниткой.

— Бахнешь о землю — и туман стеной, — объяснил я Лису, который смотрел скептически. — Плюс жжение в глазах и горле. Собаки взвоют, люди ослепнут и начнут выплёвывать лёгкие.

Лис взял шар, повертел в руках и почтительно положил на ящик.

— Ясное дело, алхимия.

— Почти готово, — Айка разложила туманники на расстоянии друг от друга. — Не нюхать. Не трогать. Не облизывать.

— Кто это будет облизывать? — возмутился Лис.

— Ты, — ответили я с Братилой одновременно. Айка усмехнулась.

Мы с Братилой тем временем занялись болтами для Лиса. Разломали старую бочку на щепки, настругали тонких лучинок. Братила, с его грубыми руками, оказался удивительно аккуратен в этом деле — видимо, сказывался опыт походной жизни.

— Паклю пропитаем смолой и маслом, — показал я Лису. — Обматывай болт туго, но оставляй хвост из пакли, чтобы легче поджечь. Сверху — береста и немного серы для верности.

Лис смотрел с видом глубокого скепсиса.

— А если она вспыхнет у меня в руках или в самострелe?

— Тогда у тебя будет очень короткая, но яркая карьера диверсанта, — хмыкнул Братила. — Наматывай аккуратнее.

— «Туманники» готовы, — сказала Айка, вытирая руки о тряпку. — Бросать нужно с силой, чтобы холст порвался о землю и смесь вспыхнула. Дым будет густой, серый, с рыжим оттенком от перца. Дышать им нельзя — сразу кашель, потом слепота на несколько минут.

— Сколько их? — спросил Братила.

— Десять. Четыре возьмём с собой, шесть оставим Лису.

Лис, услышав это, просиял.

— Шесть! Целый арсенал! Я устрою им праздник с фейерверками!

— Не праздник, — строго сказал я. — Отвлекающий манёвр. Помни: один шар — в сторону караула у ворот, если будет тревога. Остальные — про запас.

Лис закивал, уже представляя себе хаос.

— Один выстрел — один пожар, Лис. Не промахнись.

— Ясное дело, не промахнусь, — он проверил балансировку болта. — В конюшню даже слепой попадет, она большая, хе-хе.

Работа заняла несколько часов. Когда закончили, солнце уже клонилось к западу, окрашивая пыльные стены амбара в тёплые, золотистые тона. Мы сидели вокруг потухшей жаровни, разглядывая плоды своих трудов: аккуратные, зловещие свёртки и болты с комками чёрной пакли.

Айка проверила свои иглы — тонкие, с параличом из яда болотной жабы. Отстегнула кожаный держатель игл от рукава своей куртки и прицепила к рукаву нового плаща.

— В шею или руку — и человек валится, как мешок. Братила, дружочек, помнишь, как взял меня за шиворот на набережной? Ты был в миге от того, чтобы испытать.

— Я был прав тогда, на меня бы не подействовало!

— Если сила — правда, то ты самый правдивый в Верее. — Сказал Лис.

— Сечёшь! — обрадовался морочь.

Я закрыл лицо ладонью. Невозможно понять, когда он прикидывается пнём, а когда серьёзен. Мы сложили старую одежду в угол, выстроили зажигательные болты вдоль стены. Всё было готово. Завтра — к князю.

Поужинали последними запасами — вяленым мясом и черствым хлебом. Разговаривали мало. Каждый был погружён в свои мысли.

Перед сном я ещё раз проверил снаряжение. Ножи наточены. «Туманники» лежат в отдельном мешочке, чтобы не отсырели. Одежда висит на гвозде — помятая, но сойдёт. Лис уже спал, свернувшись калачиком, но даже во сне его пальцы сжимались, как будто держали самострел. Братила сидел у стены, бодрствуя — он взял первую вахту.

Я погасил лучину возле своей лежанки и лёг на спину, глядя в темноту. В голове прокручивал план снова и снова. Каждую деталь. Каждую возможную ошибку. Особняк на холме. Князь. Перстень. Вопросы. Возможные ответы. Путь отхода через крышу. Водосток. Сигнал Лису. Огонь. Дым. Бегство. Всё было продумано. Насколько это возможно.

«Предатель. Среди своих». Эти слова всплывали снова, как неотвязная мелодия. Перед глазами в темноте плясали образы: гримаса Червона, скользкий взгляд Лиса, хватающего тот платок... Две скрещенные стрелы, пронзающие полумесяц.

Герб. Чужой. Я закрыл глаза, заставляя память копать глубже. Не Мавра. Не таверна... Библиотека. Пыльный фоли-

ант в доме старого учителя-летописца, у которого я когда-то мыл полы за краюху хлеба. «Гербы и штандарты удельных княжеств, упразднённые при Великом Объединении». Полумесяц — символ Речной Окраины, мятежного приграничья. Стрелы, его пронзающие — герб дома Ратиборов, тех, кто эту Окраину усмирял. Кроваво усмирял. Дом, чей род пресёкся двадцать зим назад. Последнего Ратибора повесили на воротах его же сожжённого замка. По приказу князя.

Что делал герб мертвеца в лавке портного в Верее? И зачем он Лису? Сувенир? Или пропуск? Кто-то решил, что дому Ратибора пора воскреснуть?

Тьма за стенами амбара вдруг показалась не просто пустотой, а чьим-то внимательным, терпеливым дыханием. Завтра мы шагнём в пасть к змею. И посмотрим, чьи клыки острее.

Где-то на Каменном холме железный ворон скрипнул на ветру, поворачиваясь лицом к городу.

Глава 10. Особняк.

Самые опасные люди не угрожают. Они предлагают помощь.

В Верее даже рассвет — это сделка: город отдаёт тебе свет, а взамен забирает надежду на лёгкий день. Сырой холод просачивался сквозь щели, как вода в трюм тонущего корабля. Просыпаться в день, когда идешь на смерть — неестественно. Я знал это чувство. Оно приходило не в первый раз. Перед штурмом переправы у Ольховки — тогда рассвет был розовый, почти праздничный, и это пугало сильнее, чем крики. Перед казнью дезертира — он плакал, а я смотрел, как солнце вылезает из-за холма, и думал, что день выйдет на редкость ясным.

Сегодняшний рассвет был честнее. Серый. Холодный. Без обещаний. Я открыл глаза и долго смотрел в потолок, слушая собственное дыхание — тяжёлое, как после бега.

Я сжал кулаки — машинально, как делал это сотни раз. Пальцы сгибались, суставы не ныли — значит, холод сегодня пощадил. Нога, простреленная стрелой степняка под Дубравкой, отозвалась тупой болью. Будто напоминала: счёт ещё не закрыт. Тело знало такие утра. Помнило, как перед боем мир сужается до простых вещей: дыхание, вес оружия, чужие шаги рядом. Всё лишнее отваливается. Даже страх.

Амбар пах пылью, травяной гарью от вчерашних «туман-

ников» и нашей общей, густой тревогой. Братила храпел, уткнувшись лицом в плащ. Лис ворочался, бормоча во сне: «не сейчас, монеты… подожди».

Айка не спала. Она сидела у стены, прислонившись спиной к холодным доскам. После Вешки в ней что-то сместилось. Я поймал себя на том, что смотрю на неё слишком долго. Так смотрят, когда прикидывают: прикроет ли, не дрогнет ли. Она теребила амулет — серебряный лист клёна — и смотрела в пустоту. Я заметил, что она оставила при себе маленький кожаный футляр. Раньше она прятала его глубже, убирала в сумку. Теперь — на поясе, под плащом. Яд «на крайний случай».

Я не спросил. Она не объяснила. Мы оба поняли это одинаково: если сегодня что-то пойдёт не так, она не позволит взять себя живой.

— Не спится? — спросил я тихо. Она не обернулась.

— Думаю о том, что сегодня мы либо найдём правду, либо станем её частью.

Я сел, потёр шею. План вчера казался железным. Сегодня — хрупким, как лёд на Змеевице весной.

Лис внезапно вскочил, засуетился. Его пальцы дрожали — лихорадочное нетерпение игрока, поставившего последнюю рубаху. Он то перекладывал болты, то снова протирал детали самострела. Я смотрел на Лиса и вспоминал вчерашний платок в "Золотом напёрстке" — с гербом мёртвого дома Ратиборов.

— Успокойся, — бросил я, натягивая ворованный камзол. Ткань была непривычно мягкой, а серебряное шитьё резало глаза. В этой одежде я чувствовал себя зазывалой на ярмарке.

— Я спокоен, я спокоен, — затараторил он, тут же уронив болт. Звяканье по каменному полу прозвучало как выстрел.

Братила проснулся от шума, зевнул так, что челюсть хрустнула.

— Лис, — буркнул он. — Мельтешишь, как девка перед свадьбой.

Лис замер, потом нервно хихикнул.

— Свадьба? С князем? Нет уж, спасибо. Я на такое не подписывался.

Айка стояла у стены, прислонившись спиной к холодным камням. Плащ накинут, капюшон опущен, почти полностью скрывая лицо. Но я видел, как напряжены её плечи, как сжаты пальцы, выглядывающие из складок ткани. Раньше её тишина была сосредоточенной. Теперь она была колючей, как сжатая пружина. Она поймала мой взгляд и едва заметно покачала головой: со мной всё в порядке. Я не поверил.

Братила облачался молча. Кожаная безрукавка сидела на нём как на скале. Он был похож на глыбу, на которую нацепили дорогую попону. Он старался дышать мельче, будто боялся раздуть грудь и порвать швы.

— Готовы? — спросил я.

Никто не ответил. Это и был ответ.

Перед тем как шагнуть за порог, я задержался у осколка зеркала, прислоненного к стене амбара. На меня смотрел чужак. Синий кафтан сидел ладно, но под ним я чувствовал себя голым — без привычной тяжести кожаного плаща. Я посмотрел на свои ладони. Мозоли от поводьев и рукояти меча никуда не делись, они выдавали во мне мясника, наряженного в шелка.

— Мы выглядим как покойники, которых выкопали и переодели, — глухо заметил Братила.

Он пытался застегнуть крошечную серебряную пуговицу на вороте, и его пальцы дрожали от напряжения.

— Главное — не как мы выглядим, а как держимся, — отрезал я. — Дышите ровно. Помните: во дворце тишина — тоже оружие. Если не знаете, что сказать — молчите. Пусть думают, что мы просто высокомерные ублюдки.

Мы вышли в город. Путь к Каменному холму в этот раз был не разведкой, а процессией. Мы шли по тем же улицам, но теперь грязь под ногами казалась липкой, цепкой. Каждый бродяга, каждый торговец смотрел на нас слишком долго.

Утро было серым, дождь моросил мелкой, упорной пылью. Верея внизу кипела: нищета у подножия холма — лачуги, грязь по колено, дети в лохмотьях, старики, роющиеся в отбросах. Ребетня преследовали нас усталыми взглядами, пока мы не начали подниматься по чистой, ровной лестнице.

У подножия холма к Братиле подбежал мальчишка — зим

шести, не больше. Грязный, с глазами слишком взрослыми для такого возраста. Потянулся к его руке. Стражник с лестницы пнул его без злобы, лениво, как отгоняют собаку. Мальчишка упал молча. Даже не заплакал.

Если бы я обернулся — сделал бы глупость. Холм принимал нас медленно, неохотно, как судья, который уже всё решил, но соблюдает приличия. Раньше я думал, что воюю за них — за этих чистеньких, упитанных господ в тёплых домах. Что они — награда за мои шрамы. Потом я понял. Мы воевали не за них. Мы воевали из-за них. Были удобрением для их садов. И вид этого мальчишки, которого пнули, как собаку, был лучшим подтверждением. Холм перемалывал, превращая живых людей в историю, в удобный миф или в удобренную почву.

С каждым шагом шум отчаяния стихал, сменяясь тишиной благополучия. А наверху, за стенами — чистота, порядок, стража в блестящих доспехах. Два мира в одном городе: один кормит другой, а другой смотрит свысока. Мы поднимались по мощёной дороге. Чем выше — тем реже лачуги, тем шире улицы, тем богаче дома. Контраст резал глаза.

Особняк Вышеславских вблизи подавлял. Не размерами, а молчаливой наглостью. У главных ворот, под тенью двух каменных змей, стояла стража. Не в доспехах, а в парадных ливреях, но глаза у них были как у мясников на скотобойне. Четверо. Арбалеты наготове, но не подняты.

Нас не останавливали — но и не пускали. Мы стояли под

взглядами змей, и мне вдруг пришло в голову, что это и есть первая проверка: кто сорвётся, кто отведёт глаза, кто переступит с ноги на ногу. Я заставил себя смотреть прямо. Айка — тоже. Братила нетерпеливо рыкнул.

Один из стражников, широкоплечий детина с аккуратной бородкой, шагнул вперёд.

— К князю? — спросил он, и его голос звучал слишком громко в этой тишине.

Я кивнул.

— Отчего же не пропустить гостей, — он подмигнул, и в этом подмигивании было столько презрения, что у меня сжались кулаки. — Проходи, Ворон.

Я замер. Прозвище. Старое, военное. "Ворон" — за то, что в дозоре находил опасность раньше других. Я не называл его никому здесь. Айка напряглась рядом — я почувствовал, как её рука коснулась моей.

Ворота за нашими спинами захлопнулись с лязгом, от которого у меня дрогнули плечи. Как решётка в тюрьме. Стражник обошёл нас, медленно, оценивающе. Его взгляд скользнул по Братиле, задержался на скрытом лице Айки и упёрся в меня.

— Так-так, — протянул он. — Говорят, ты в своё время неплохо поработал, Ворон, на южном перевале. Красиво выкладывал кости степняков узорами.

Ледяная струя прошла по спине. Бойня на южном перевале была семь зим назад. Откуда он знает?

— Люблю узоры, — хрипло сказал я.

— Люби дальше, — ухмыльнулся стражник. — Здесь твои старые заслуги — всё равно что сраньё пса на мостовой. Двигайтесь.

Путь к дверям особняка был дольше, чем я ожидал. Нас остановили у низкой каменной арки, увитой резными змеями. Под ней стоял худой человек в тёмно-синий робе с капюшоном — не воин, не слуга. Жрец. Или что-то похожее.

— Очищение, — монотонно произнёс он.

Двое других слуг с пустыми лицами шагнули вперёд. Один окропил нас из серебряной чаши. Жидкость пахла полынью и чем-то металлическим. Слуга мазнул мокрой кистью по лбу, шепча что-то на старом наречии. Жидкость обожгла кожу, будто в неё подмешали уксус и золу. Я не дёрнулся. Это было не очищение. Это была метка. Напоминание, кто здесь грязь.

Другой взял меня за руку, перевернул ладонь кверху. Я инстинктивно сжал кулак.

— Руки, — повторил жрец без интонации.

Я разжал пальцы. Слуга, не глядя в глаза, провёл холодными пальцами по ладони, по старым отметинам от меча и верёвки, по огрубевшей коже. Он изучал не оружие, а грязь. Возможную заразу. Унижение горело у меня в глотке, едкое, как тот самый дым от «туманников». Меня, выжившего в десятках стычек, осматривали как скот.

— Что-то не так? — спросил я.

— Всё так, — ответил он, рассматривая мои шрамы.

Пауза. Долгая. Я почувствовал унижение — острое, как нож в рёбрах. Я, герой войны, прошедший Ольховку, Дубравку, Диколесье, степные рейды — стою здесь, как подозреваемый, и мне осматривают руки, будто я прокажённый.

— Чист, — наконец сказал слуга. Но в голосе — сомнение.

Братила, когда до него дошла очередь, стоял, опустив голову, и я видел, как напряглись его могучие плечи. Один из слуг шагнул к Айке.

— Амулет, — сказал он, не повышая голоса.

Айка не пошевелилась.

— Он не оружие, — сказал я.

— Здесь всё оружие, — ответил слуга и протянул руку.

Айка медленно сняла амулет с шеи. Серебряный лист клёна блеснул в свете свечей. Слуга задержал его в пальцах чуть дольше, чем нужно.

— Северная работа, — заметил он. — Старый стиль. Уже не делают таких.

Он вернул амулет. Я понял: он не просто смотрел. Он проверял реакцию. За дверями нас ждал другой мир. Мир шёпота, блеска и холода. Полы из тёмного полированного дерева отражали огонь сотен свечей в резных люстрах. Воздух был густым от запаха воска, дорогих духов и лести.

Придворные — стайка ярких, болтливых птиц в шелках и бархате — расступились, образовав живой коридор. Шёпот

стал громче.

— Смотри-ка, какие чудные...

— Откуда князь таких выкопал?

— А девка... видела глаза? Полукровка, не иначе. Какая наглость...

Взгляды, скользившие по Айке, были откровеннее и грязнее, чем в самом вонючем переулке Подгорья. Здесь грязь была прикрыта улыбкой и веером.

Нас оставили в боковом зале. Не тёмном — наоборот, слишком светлом. Стены были увешаны гобеленами. Сцены войн. Победы княжеского дома. Я узнал перевал. Южный. Гобелен был ложью. На нем рыцари в сияющих кольчугах красиво рубили степняков под ясным небом. Мастер, ткавший это, не добавил туда грязь, в которой мы тонули. Он не выткал трупы лошадей. Не было стрел степняков, обмазанных ядом, накрывавших нас как тучи. Я подошел ближе и коснулся ткани. Шелк был холодным.

— Они переписали вашу боль в украшение для стен, — прошептала Айка, оказавшись рядом.

— Так победа превращается в интерьер, — ответил я.

В этот момент я заметил, что на всех картинах и гобеленах у воинов князя были закрыты забрала. Ни одного лица. Только сталь и гербы. Будто князь не хотел помнить тех, кто умирал за него — ему достаточно было самого факта обладания этой силой. Это открытие кольнуло меня сильнее, чем оскорбление стражника у ворот. Мы для него не люди. Мы

— элементы композиции.

Я услышал шёпот совсем рядом.

— Князь любит странных. Они благодарнее.

Я не понял, о ком речь — обо мне или об Айке. Мимо прошёл придворный, задел плечом Братилу.

— Осторожнее, — лениво бросил он. — Это ковры из Тарны. Дороже твоей жизни.

Я почувствовал, как Братила напрягся.

— Дыши, — прошептал я.

Он дышал. С трудом. Но выдержал. Огромный морочь, который в таверне казался хозяином, здесь старался сжаться. Шёл осторожно, боясь задеть вазу или наступить на дорогой ковёр. Его пугает не сила — хрупкость этого мира, которую он может разрушить одним движением. И за это поплатиться.

Он наклонился ко мне, шепнул:

— Скажи, если я лишнее брякну... Не понимаю правил. Боюсь... сломать что-то.

Я кивнул, а сам невольно посмотрел в окно — на чердаки напротив — и подумал, что Лис сейчас, должно быть, клянёт нас всеми богами сразу. Позже, уже после, я пойму, что именно в этот момент ловушка захлопнулась. Что с той высоты он видел больше, чем мы могли представить. Но тогда я ещё верил, что мы пришли по своей воле.

Тем временем нас провели в длинный, узкий зал с высокими стрельчатыми окнами. В конце его, на невысоком камен-

ном возвышении, стояло кресло. Не трон. Но что-то очень на него похожее. И в нём сидел человек, которого я знал только по слухам.

Князь Всеволод Вышеславский не был великаном. Он был сух, поджар, с лицом, — умным, внимательным и совершенно лишённым эмоций. Его глаза, цвета мутного льда, скользнули по мне, по Братиле, задержались на Айке чуть дольше. В них не было ни любопытства, ни гнева. Был расчёт. Как у человека, рассматривающего новые, необычные инструменты.

Я сделал шаг вперёд и поклонился.

— Князь. Мы пришли по делу, которое касается убийства и власти в твоём городе.

— Очарован, — сухо сказал Всеволод. Его голос был тихим, но он резал тишину, как лезвие. — Говори. Удиви меня. Город полон убийств. Какое из них удостоилось твоего внимания?

Я стиснул зубы, игнорируя укол.

— Червон. Ветеран Вечной. Его убили в таверне. Отравили. У него был перстень с твоим знаком.

В зале замерцал подавленный смешок. Всеволод Вышеславский не шелохнулся.

— Ты воевал, — сказал князь, глядя не на меня, а куда-то поверх плеча.

— Да.

— И выжил.

— Повезло, — ответил я.

Он кивнул, будто это подтверждало его мысль.

— Война — хорошая школа. Она учит простым истинам. Например: грязь всегда всплывает.

Его взгляд скользнул по Айке.

— А ты, девочка, — он сделал паузу, — слишком аккуратна для подворотен Вереи.

Айка не опустила взгляд. Это было дерзостью — и одновременно единственно верным ходом.

— Я стараюсь не пачкаться, — сказала она ровно. — Грязь въедается.

В зале кто-то тихо усмехнулся. Князь приподнял бровь — едва заметно.

— Умно, — произнёс он. — Обычно такие слова говорят те, кто слишком долго жил среди грязи.

Его взгляд скользнул к её рукам, линии плеч, осанке. Он разбирал её, как редкую вещь, не касаясь.

Я вытащил из-за пазухи свёрток, развернул его. На бархатной тряпице лежал перстень. Золото, две змеи. Протянул его князю.

Тишина в зале стала абсолютной. Придворные перестали шептаться.

Всеволод медленно, с театральной неспешностью, поднялся с кресла. Он сошёл с возвышения, мягкие сапоги неслышно ступали по каменному полу. Он подошёл ко мне,

не глядя на перстень в моей руке. Его ледяной взгляд буравил меня.

— О смерти Червона мне доложили, — сказал он тихо, так, что слышали только я.

Он наконец опустил глаза на перстень. Не тронул. Просто посмотрел. Потом его губы растянулись в чём-то, отдалённо напоминающем улыбку. В ней не было ни капли тепла. Я заметил, как один из слуг князя медленно вышел из зала.

— Очень старательно, — произнёс Всеволод Вышеславский. И его голос, тихий до сих пор, вдруг прозвучал на всю залу, чётко и ясно, как удар колокола.

— ВОТ ТОЛЬКО ЭТО — ПОДДЕЛКА.

Слова повисли в воздухе. У меня на миг свело пальцы. Я ждал смеха. Крика. Приказа схватить. Ничего не произошло. Князь смотрел на меня с почти искренним интересом.

Воздух из зала будто выкачали. Я почувствовал, как за спиной у Братилы перехватило дыхание. Айка замерла, будто превратилась в статую из того же холодного камня, что и стены. Вся наша уверенность, весь план — рассыпались в прах от одной фразы.

— Откуда вы…

Я не договорил. Князь поднял руку.

— Откуда я знаю? — он усмехнулся. — Потому что настоящий перстень — на мне.

— Теперь, — сказал он, — мне действительно любопытно, откуда у тебя такая вещица.

ВОТ ТОЛЬКО ЭТО — ПОДДЕЛКА! —

Глава 11. Сделка.

Каждый хочет справедливости. Пока не узнает её цену.

Слова князя не прозвучали как обвинение. Они прозвучали как приговор нашему пониманию ситуации. Весь наш путь от таверны до этого холодного зала оказался ложным следом. Мы не просто ошиблись — нас провели, как слепых щенков, и привели к порогу того, кого хотели обвинить.

Я стоял, не шелохнувшись, чувствуя, как в зале стало вдруг тесно — будто стены придвинулись ближе, чтобы лучше слышать. Перстень лежал на моей ладони — холодный, тяжёлый, теперь уже бесполезный. Подделка. Всё наше расследование, вся кровь на руках — ради фальшивки. Князь стоял так близко, что я видел, как на его виске бьётся тонкая голубая жилка. Он не трогал перстень — будто боялся испачкаться.

— Итак, — сказал он, — вы пришли с подделкой моей печати. С мёртвым ветераном. И с вопросами. Это смело. Или глупо. Иногда разница между этими двумя словами — только в том, кто выживет.

— Ты хочешь знать, кто убил твоего ветерана? — спросил он спокойно. — Или ты хочешь понять, почему его убили именно так?

Я не ответил сразу. Вопрос был ловушкой. Выберешь одно — потеряешь другое.

— Я хочу, чтобы убийцы не думали, что могут прятаться за чужими знаками, — сказал я наконец.

Князь усмехнулся. Не широко — уголком губ.

— Вот видишь. Уже лучше. Ты начинаешь говорить не как солдат, а как игрок.

Игрок. Слово задело. Не потому, что было ложью — потому что он угадал. Я хотел возразить, но понял, что любое оправдание сделает меня именно тем, кем он уже меня назвал.

Князь не спешил. Он махнул рукой, зал немедленно покинули все, даже дружинник. Осталась только наша троица. Двери закрылись почти беззвучно. Воздух в зале изменился — будто его стало меньше. Всеволод Вышеславский вернулся к креслу, сел, скрестил ноги. Его взгляд скользнул по мне, по Братиле, задержался на Айке.

Он сел в кресло, не приглашая нас садиться. Мы остались стоять. Я чувствовал, как это давит — не физически, а внутри, в каком-то глубоком месте, где рождается злость. Братила переминался, словно на сырой земле. Айка не двигалась вовсе. Это было хуже любого вызова — стоять и ждать, пока тебя взвесят.

— Начнём с простого, — произнёс князь. — Кто вы такие, чтобы приносить мне это?

Я вдохнул.

— Мы расследуем убийство Червона. Он умер у меня на глазах. Пытался предупредить меня о чём-то, но не успел. И

у него был этот перстень.

— Понимаю, — князь кивнул, как будто слушал историю о пропавшей курице. — И вы решили предупредиться меня, посчитав, что мой гонец умерщвлён. Или что я связан с этим. Что я убиваю ветеранов в тавернах. Что я подбрасываю поддельные печати. Что я… — он сделал паузу, — …играю в грязные игры.

Он посмотрел на меня так, будто видел насквозь.

— Я не играю в грязные игры. Я играю в большие игры.

В нём не было триумфа. Было любопытство. Как у человека, нашедшего новую игрушку.

— Садитесь, — сказал он тихо, но в голосе была сталь. — Раз уж пришли с подарком.

Мы сели на стулья — резные, с высокими спинками. Братила — осторожно, будто боялся сломать мебель. Айка — прямо, но я видел, как её пальцы сжались на подлокотниках.

— Подделка, — повторил князь, глядя на перстень в моей руке. — Хорошая. Мастерская работа. Не каждый ювелир справится. Но всё же подделка.

Он сделал паузу, позволяя словам осесть.

— Ты пришёл ко мне с этим, Ворон Горша. — Он назвал моё прозвище так же легко, как стражник у ворот. — Значит, хочешь правды. Или думаешь, что я её дам.

Я положил перстень на стол между нами. Золото звякнуло о дерево.

— Ветеран умер с этим в кармане. Опричники закрыли

дело на невиновной. Лжесвидетель появился за две луны до убийства. Я хочу знать, почему.

Князь улыбнулся — тонко, без тепла. Позвонил в колокольчик. Придворный зашёл быстрым шагом и подал ему кубок. Тут же удалился. Князь не пил — просто держал кубок в руке. Он откинулся в кресле, его взгляд скользнул по высоким стрельчатым окнам, будто он видел за ними не серое небо Вереи, а карту интриг.

— Вы думаете, Верея — это просто город, где одни грабят других? — спросил он мягко. — Это примитивно. Верея — это организм. Со своими артериями и опухолями. Убийство Червона… это не преступление. Это хирургический надрез. Кто-то вскрыл кожу, чтобы добраться до нервов.

Братила аж подался вперёд, стул под ним жалобно скрипнул. Его кулаки лежали на коленях, сжатые до хруста. Я видел, как по его скуле пробежала судорога. Для него Червон был братом. А здесь его смерть называли... хирургическим надрезом.

Князь начал перечислять, загибая пальцы:

— Городской Совет старейшин. Мешок болтливых стариков, дрожащих за свои лавчонки и «добрые обычаи». Они ненавидят всё новое, особенно мои указы о пошлинах. Их сила — в традиции. В том, что они могут натравить на меня толпу, крича о «попрании устоев».

— Гильдия купцов «Вольная пристань». Деньги. Корабли. Связи за морем. Они купили бы этот город, если б я позво-

лил. Их сила — в золоте. Они считают, что всё продаётся. Червон был их человеком? Или мешал им?

— Червон купцов не любил, — глухо сказал Братила, не поднимая головы. — Говорил: Чистоплюи. Платят за грязную работу другим.

Князь продолжил.

— Храм Змеи и Зеркала. Жрецы. Они говорят, что видят волю богов в узорах на воде и трещинах на костях. Их сила — в страхе. В суевериях. Они уже шепчут, что смерть ветерана — дурной знак, что князь потерял милость небес.

Айка чуть заметно скривилась. Не от слов — от интонации. Как будто он говорил о чём-то слишком знакомом.

— Торговые дома с севера и юга. Приезжие. У них свои законы, свои дружины. Они вроде как подчиняются, но только покаэто выгодно. Им всё равно, кто сидит на этом холме, лишь бы караваны шли.

— Дом Камня, — продолжил он, и в голосе впервые прозвучало не презрение, а холодная настороженность. — Опричники Ярополка. Люди Горисвета. Их сила — не в деньгах или традиции. Их сила — в праве ломать двери. В узаконенном страхе. Они — жернов. И сейчас кто-то пытается направить этот жернов на меня.

Он слегка качнул головой.

— Они не ищут правду. Им важно, чтобы следствие выглядело завершённым. Чтобы виновный был назначен вовремя. Дом Камня не любит долгих вопросов. Он любит быст-

рые решения и тихие дворы наутро.

Князь усмехнулся.

— Формально они служат городу. На деле — служат тем, кто даст им больше пространства для действий. Сегодня это Горисвет. Завтра может быть кто угодно. Включая того, кто подбросил вам эту подделку.

— И есть я, — продолжил князь, и его голос стал тише, интимнее, будто он делился секретом. — Который не удерживает этот воз, а заставляет его ехать. Потому что когда они воют друг с другом — они не воют со мной. Раздор — это не слабость власти. Это её инструмент. Но, — он поднял палец, — его должен держать я. А не какой-то анонимный интриган с фальшивой печатью.

Он говорил спокойно, почти лениво, но за каждым словом чувствовалась привычка командовать тем, что больше любого отдельного человека. Это был не рассказ — это была демонстрация поля, на котором мы уже стояли, даже не заметив, как туда вошли. Я не выдержал.

— И ты хочешь сказать, что все они заодно убили Червона?

Князь рассмеялся — коротким, сухим, как треск ломающейся ветки.

— Нет. Я хочу сказать, что теперь каждый из них уже решил, что это сделал кто-то из остальных. А некоторые — что это сделал я. Подделка не просто бросает тень. Она сеет панику. И в панике даже крыса может укусить медведя за пят-

ку. Червон был мелкой рыбой. Но его смерть с моим знаком в кармане — это начало войны за то, кто будет резать рыбу побольше. Главный приз в этой войне — моё место.

Князь медленно поднял кубок и сделал глоток. Вино, должно быть, было терпким — его губы чуть скривились.

— Совет обвиняет меня. Купцы обвиняют совет. Храм обвиняет купцов. Горисвет обвиняет всех. И каждый начинает точить ножи. Убийство ветерана — это искра. Поддельная печать — масло. Кто-то хочет, чтобы город загорелся.

Он поставил кубок и наклонился вперёд, его голос стал тише, но от этого только твёрже.

— И это не я.

Он произнёс это так, будто не оправдывался, а отрезал лишнюю версию. Братила шевельнулся — стул скрипнул. Слуги бесшумно внесли графин из тёмного стекла и тонкие кубки.

— Вино из южных склонов, — негромко произнёс князь. — Терпкое, как запоздалое раскаяние. Попробуйте.

Айка даже не взглянула на кубок. Братила замер каменным истуканом. Я чувствовал, как кафтан давит на плечи. Мы были в клетке, и хозяин клетки решил с нами поиграть.

— Мы и не думали, что Вы отдали приказ об убийстве, иначе нам было бы глупо приходить сюда. Но кто? — спросил я.

Князь посмотрел на Айку.

— Девочка, ты вирья? Полукровка?

Айка не дрогнула.

— Да. Полукровка.

Он улыбнулся — теперь теплее, почти отечески.

— Красиво говоришь. Акцент почти незаметен. Но в "р" — лесной отзвук. Северные чащи? Или дальше?

Айка сжала губы.

— Дальше.

— Знаю обычай вашего народа, — сказал князь мягко, но громко — для всех. — Когда девушка уходит в мир людей, она оставляет амулет на старом дубе. Чтобы лес её отпустил. Ты оставила?

Айка побледнела. Я почувствовал укол тревоги. Эти вопросы — не праздное любопытство.

— Оставила, — ответила она сухо.

— Это правильно. Лес мстит тем, кто уходит без прощания. Как тебе Верея?

Айка не дрогнула.

— Ты держишь кубок левой рукой, хотя правша. Чтобы казаться расслабленным. И скрыть, что поддельный перстень тебя встревожил.

Князь улыбнулся. Настоящей улыбкой — короткой, опасной.

— Ты наблюдательна. Это хорошо. Но наблюдательность — оружие. А оружие нужно уметь прятать. Твой амулет — работа мастера Илтара? Он умер, кажется, двадцать зим назад. Его стиль не спутаешь.

Всеволод вёл свою игру. Проверял её. Подкидывал детали, как рыбак — наживку, и следил за самой мелкой дрожью лески. Он подозревал в ней шпионку. Чью? Гильдии? Совета? Может, тех самых северных торговых домов?

— Я покинула долину давно, — сказала Айка, не отрицая и не подтверждая.

— И выбрала весёлое местечко, — усмехнулся князь. — Верея для северянки — как болото для перелётной птицы. Застревает, если вовремя не улететь. Скажи, у вас на севере до сих пор плюют через левое плечо, если встречают чёрную кошку? Или это суеверие уже забыли?

Каждый вопрос был щупом, которым он пытался ткнуть дно её истории, её истинную роль.

— Забыли те, кто хотел забыть, — уклончиво ответила она.

— Tal'esh morren, — неожиданно произнёс князь. Он перешёл на её наречие. Я узнал только пару слов.

Айка ответила короткой фразой на том же языке. Её голос звучал странно — ниже и жёстче. Князь едва заметно улыбнулся.

— Она говорит, что волки не поют перед охотниками, — перевёл он для меня, смакуя каждое слово.

Я понял, что он знает о ней больше, чем я. Не факты — пласты. Привычки, корни, то, что не рассказывают спутникам у костра. Это укололо неожиданно больно, и я разозлился на себя за эту мысль. Князь кивнул, будто получил

подтверждение чему-то очень важному. Его взгляд стал пристальным.

— Красиво сказано. По-волчьи. А твой отец, наверное, был охотником из Белой Долины... — он сделал искусную паузу, наблюдая, как дрогнули веки Айки, — интересно, он верит, что дочь, ушедшая в мир людей, может вернуться? Или он уже сплел траурную ленту в ветвях семейного дуба?

Воздух вырвался у Айки из груди с едва слышным свистом, будто её ударили под дых. Она не отвечала. Её пальцы впились в бархат платья так, что побелели костяшки. В этом молчании был ответ больнее любого крика. Князь откинулся, удовлетворённый. Он не просто проверил её знания — он нашал слабое место и ткнул в него пальцем. При мне. Чтобы я видел её боль, а она чувствовала моё беспомощное непонимание. Чтобы между нами встал призрак её прошлого.

— А скажи ещё: в каком году храм Трёх Огней сменил верховного жреца?

— После пожара, — ответила Айка, не задумываясь. — Когда сгорела восточная галерея.

Я слушал, как он ковыряется в её душе инструментами, о которых я даже не подозревал. Она смотрела в пол, а я видел только её сжатую челюсть. Сколько ещё таких пропастей лежало между нами? Мы делили хлеб и страх, а её прошлое оставалось запертой дверью, в которой князь орудует отмычкой.

— Как зовут нынешнего наместника северных земель?

Айка моргнула.

— Я…

— Уже не важно, ты давно ушла оттуда. Это видно. — Мягко сказал князь и повернулся ко мне. — Твоя спутница — редкость. Красива. Умна. И опасна. Как нож в бархате.

Он знал её мир лучше меня. Входил в него без усилий.

— К делу, — сказал я хрипло.

Князь кивнул.

— Выгодно это только одному, — продолжил князь. — Тому, кто хочет перепахать всё поле для новой игры. Кому нужен хаос, как пахарю нужна взрыхленная земля.

— Ярополк, — выдохнул я.

— Опричник? — князь усмехнулся. — Нет. Он хочет власти, да. Но ему мешают и Совет своим консерватизмом, и Гильдия — своими деньгами. Он активен, настойчив. Его люди конфискуют улики, «берут под защиту» свидетелей, которые потом навсегда умолкают. Они создают шум, за которым можно спрятать любой след. Если их прижать, они заявят, что работают на меня. Если я нажму — они скажут, что спасают город от моего произвола. Искры между моей дружиной и его опричниками — это то, что ему и нужно. Раздор. Он собирает людей. Тех, кто устал от меня. Но моего свержения ему сейчас не нужно. Он не сумеет воспользоваться.

Всеволод Вышеславский сделал паузу.

— Самый заинтересованный — Вольга Бесовод. Разбойник, возомнивший себя теневым королем лесов вокруг Ве-

реи. Ему выгодно, чтобы городская стража и опричники вцепились друг другу в глотки. Поддельная печать, приказы от моего имени, кровь ветеранов... Это почерк Бесовода. Хочет «справедливости» — свергнуть меня, вернуть «старые времена». Поддельные приказы моей печатью — идеально. Компромат на власть. Он ненавидит меня. Он ненавидит Горисвета. Ненавидит всех, кто выше его. И он достаточно умен, чтобы подделать печать. Или найти того, кто подделает.

— Почему не арестуете?

Князь усмехнулся.

— Доказательств нет. А шум — мне не нужен. У него достаточно сторонников в Городском совете и Гильдии купцов. Разберитесь. Найдите источник подделок. Я поддержу. Тихо.

Князь отставил кубок. Вся игра исчезла с его лица.

— Мои люди слишком заметны. А вы — призраки. Идеально подходите. Найдите того, кто резал эту печать. Выведите на Бесовода. Принесите мне не имя — доказательство, которое я смогу бросить на стол Совета, не роняя своего достоинства.

Он встал, давая понять, что аудиенция окончена.

— Это не служба. Это ваше продолжение жизни. Альтернатива — быть сметёнными тем самым жерновом, который вы сами раскрутили, принеся эту безделушку. Выбирайте. Вы уже в игре. И единственный способ не стать разменной пешкой — стать моим инструментом, который я могу испачкать.

Князь смотрел нам вслед так, будто уже получил то, за чем мы пришли. Не ответы — участие. И это было хуже любого приказа.

Мы выходили из особняка под лязг закрывающихся за спиной ворот. Холодный дождь Вереи показался мне целебным после душного аромата княжеских покоев. Мы стояли на чистой мостовой Каменного холма, и мир вокруг не изменился. Тот же серый свет, те же стены. Но всё было иным. Словно раньше мы смотрели на Верею через запотевшее стекло, а нам только что протерли его начисто — и открыли вид на паутину, опутавшую каждый дом, каждую улицу, каждого человека.

Я думал, что расследую убийство в таверне. Потом решил, что влез в княжеские дела. А сейчас… Сейчас я понимал, что мы стоим на краю политического котла, который вот-вот взорвётся. И нас только что предложили в него бросить.

Братила первым нарушил тишину, тяжело выдохнув:

— У меня голова лопается. Это всё... правда?

— Правда или нет — неважно, — сказала Айка, глядя прямо перед собой. Её лицо было бледным и каменным. — Важно, что мы теперь часть этого.

Сверху, с чердака, к нам соскользнул Лис. Его лицо было белее мела.

— Уходим, быстро, — прошипел он, хватая меня за рукав. — Там, внизу... караулы сменились. Нас вели, Горша. Весь путь. Люди в черном стоят на каждом углу.

Я оглянулся на серую громаду особняка. Ворон на флюгере скрипнул, поворачиваясь по ветру. Мы медленно пошли

вниз, к нашему амбару. Но теперь даже эта хибара казалась не убежищем, а хрупкой скорлупкой, которую в любой момент может раздавить жернов большой политики.

Мы уже почти слились с толпой у подножия Каменного холма, когда меня толкнули в бок. Не сильно — так, как толкают в тесноте рынка или у переправы. Я инстинктивно положил руку на пояс, но вместо ножа в ладонь уткнулось что-то мягкое.

— Простите, господин, — пискнул голос.

Я опустил взгляд. Передо мной стоял мальчишка зим десяти. Худой, в большом, не по размеру, кафтане, с коленями, сбитыми до тёмных корок. Лицо — обычное, городское, из тех, что не запоминаются. Суетливый взгляд.

— Никогда не извиняйся, — сказал я. — Смотри под ноги.

Он кивнул слишком часто, будто боялся забыть, что должен кивнуть, и шагнул мимо. В этот момент его пальцы на мгновение сжались на моей руке. Когда он исчез в толпе, я разжал ладонь. Тонкий клочок пергамента.

— Что там? — тихо спросил Братила.

Я не ответил сразу. Просто развернул. Почерк был ровный, деловой. Ни украшений, ни спешки.

«Вольга Бесовод покупает молчание в доках.

Старый причал, где несёт рыбой и гарью.

Ищите того, кто хромает.»

Больше — ничего. Ни подписи. Ни печати. Я поднял го-

лову. Мальчишки уже не было. Толпа сомкнулась, как вода, и проглотила его без следа.

— Он от князя? — спросил Лис, не глядя на меня, но я видел, как его плечи напряглись.

— Или от того, кто хочет, чтобы мы так подумали, — ответила Айка.

Я сложил записку и убрал за пазуху.

— Мы вышли, — сказал Братила. — А как будто и не вышли, всё одно.

Я посмотрел наверх, на серый массив Каменного холма. Особняк уже не был виден, но я чувствовал его так же ясно, как холод за спиной.

— Ты прав, — сказал я.

Мы двинулись дальше в сторону города. Шли вниз с холма, и старый город открылся перед нами новым, пугающим ликом. Раньше я видел просто рынок — хаос криков и запахов. Теперь я видел арену. Крики складывались в обрывки смыслов: «…Совет запретил ввоз!» — это голос Гильдии. «…Храм требует пожертвований за очищение!» — щупальце жрецов. Каждый второй человек в толпе выглядел потенциальным шпионом, каждое окно — местом для слежки.

Братила шёл, ссутулившись, пытаясь казаться меньше.

Лис нервно оглядывался, его пальцы то и дело тянулись к скрытому под плащом самострелу.

Айка… Айка шла, не видя ничего вокруг. Она была там, в лесах далёкого севера, с отцом, плетущим траурную ленту.

Он

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.